

Юрий Солодкин

Если вкратце...

— *Зачем родился?*

— *Не ко мне вопрос.*

— *Как жить?*

— *И душу убажать, и тело.*

— *А ежели не в шутку, а всерьёз?*

— *Всерьёз? Шутить*

и честно делать дело.

Юрий Солодкин

Предисловие автора

*М*оя первая книжка стихов вышла в 1999 г. Мне шёл шестидесятый, и дети шутили, что их папочка на старости лет стал молодым поэтом. В небольшой книжке одну треть занимали двух-четырёхстрочные стихи. Это были весёлые и, как мне кажется, несмотря на всю мою скромность, остроумные строчки, поскольку говорить о жизни серьёзно — скучное и малопродуктивное занятие. В этих строчках и собственные размышления, и мудрость, почерпнутая из прочитанных книг, и мысли, услышанные в многочисленных разговорах и спорах. Одобрительная реакция друзей и знакомых поощряла меня к дальнейшему творчеству.

«...слова твои да будут немноги» — этому завету из библейской «Книги Экклезиаста» я стараюсь следовать всю жизнь. Удивительная книга! В ней всего-то 12 страничек, а содержится столько житейской мудрости, что возникает ощущение, а надо ли ещё что-то писать? «...как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познаётся при множестве слов». Что к этому можно добавить?

Писатель и литературовед Олег Постнов в рецензии «Загадки многоликой истины» пишет, в частности, о коротких стихах (полностью его рецензию можно прочитать в конце книги):

«...Жанр стихотворного афоризма крайне редко становился ведущим в творчестве русских поэтов... Ибо стихотворный афоризм содержит в себе важный парадокс: он предельно лёгок для читателя, но предельно труден для поэта... Смысловый лаконизм должен быть отточен до предела, чтобы попасть в рамки размеров и рифм».

Это действительно так. Иногда уходят недели, пока в двух строчках лучшие слова не выстроятся в лучшем порядке и точно не выразят то, что хотелось сказать. К примеру, есть такая известная, даже банальная, фраза: счастье формулой не выражается. Сколько ни пытались придумать формулу счастья, ничего из этого не получилось. А почему? Должна быть какая-то несовместимость с математикой. Ответ пришёл не сразу, но простой и неожиданный:

*Счастье формулой не выражается,
Если делишь, оно умножается.*

Здесь присутствует всё, что, по словам того же Олега Постнова, должно быть свойственно стихотворному афоризму: «при минимальном использовании слов наличествует несколько параллельных смыслов, как бы встроенных друг в друга, смешанных и сгущённых».

А вот пример стихотворного афоризма, основанного на игре слов. Я вдруг заметил, что слово «богатство» слеплено из слов «Бог» и «гадство». Мне было совсем неважно, что думают по этому поводу филологи. Получились строчки:

*Богатство — это Бог и гадство.
Точней не скажешь про богатство.*

Минимальное использование слов и параллельный смысл налицо.

Итак, поощряемый одобрительной реакцией к дальнейшему творчеству, я продолжал писать короткие стихи, и в 2007 г. вышла отдельная книжка под названием «Стихотворные афоризмы».

Через четыре года было выпущено второе, дополненное издание стихотворных афоризмов под названием «Если вкратце...», которое является первой строчкой из самого короткого моего стиха:

*Если вкратце,
Тяжко, братицы.*

Прошло ещё пять лет. Коротких стихов набралось больше семисот. Все они вошли в это третье издание. Такое количество не предполагает, что их можно читать все подряд. Поэтому автор решил выделить часть наиболее удачных с его точки зрения стихов из общего числа, т. е. сделать как бы книжку в книжке, чтобы её прочитали в первую очередь. Ясно, что это субъективный взгляд, потому что мне не раз приходилось выслушивать восторги по отношению к строчкам, которые неплохие (плохие, понятно, я бы в книгу не включил), но не более. К работе над «книжкой в книжке» я привлёк мою жену Галину, которая всегда была первым читателем и суровым критиком. Не всегда у нас мнения совпадали, но я вспоминал свои собственные строчки:

*За правило держу я с давних пор —
Когда с любимой возникает спор,
Я задаю вопросом этим здравым:
Хочу я быть счастливым или правым?*

и соглашался. А вообще-то говоря, вы вольны читать в любой последовательности. Здесь главное слово — читать.

Юрий Солодкин, сентябрь 2016 г.

Парадусов тьма вокруг.

*Или все пере
или же пере?*

А причудлива и странна жизни нить,
И парадоксам, вправду, нет предела.
Что будет, мы не можем изменить,
Что было, мы меняем то и дело.

~

В суть вгрызаюсь, как в породу скальную,
Истины стремлюсь достичь воинственно,
А она всегда парадоксальная.
Это парадокс, но это Истина.

~

За счастье в будущем не раз
Мы поднимали знамя,
А счастье — это то, что «счас»,
Сию минуту с нами.

~

Конечно, мы не дураки,
На умные способны строки.
Но тайны мира глубоки,
А толкованья неглубоки.

~

Что имеем в сухом остатке,
Если взять человечесий род?
Недостатки всегда в достатке,
А достоинств недостаёт.

~

Кто, не потя, стал богат,
Тот на Руси последний гад,
А стать, потя, богачом
Здесь не удастся нипочём.

и

Эту истину непреложно
Постигал я по мере роста:
Очень просто понять, что сложно,
Очень сложно понять, что просто.

и

То ли свойство в нас такое,
То ли жизнь у нас не та.
При стремлении к покою
Только шум да суета.

и

Сказана однажды мудрецом
Точная и горестная фраза:
Если глупость служит образцом,
Кажется тогда безумным разум.

п

Про эту встречу я бы так сказал:
Был гениально туп единодушный зал.

п

Бессмертным стать не можно сметь,
Пока не наступила смерть.

п

В науке несомненно это —
Нет ничего быстрее света,
А в жизни, замечаем мы,
Нет ничего быстрее тьмы.

п

Хоть природа не терпит возврата,
Вправду схожи и детство, и старость,
Как зари восходящая алость
И прощальная алость заката.

~

**Законов свод огромней небосвода,
И всё подвластно мерам и весам.
Моя свобода — это несвобода,
Которую я выбираю сам.**

~

Искусство быть самим собой —
Что это, если не притворство,
Но доведённое тобой
До совершенства. До актёрства.

~

Задаю вопрос невольно
И всё чаще год от года:
Если рабство добровольно,
То оно и есть свобода?

~

Хотя звучит нелепо вроде,
Но убеждаюсь повсеместно,
И в Человеке, и в природе
Несовместимое совместно.

~

Если промахнулись и попали,
То смеяться будете едва ли.

~

*Грусть от того,
что не видишь добра в добре.
Н. В. Гоголь*

Добра в добре немного,
И зло во зле отчасти.
А в Боге всё от Бога?
У власти всё во власти?

~

Печальный парадокс, проверенный веками —
На службе у добра мерзавцы с дураками.
А мученик, борец за счастье изначально,
В итоге служит злу, как это ни печально.

~

За правду стоим ретиво,
Клеймим беспощадно ложь.
Но правда несправедлива,
А вымысел так хорош.

~

Постичь бы голова хотела
Непостижимый космос тела.
Он рядом вроде, а на практике
Ничуть не ближе, чем галактики.

~

Ведём с непредсказуемостью бой,
Вникая в суть законов и явлений,
Но сколько б ни случилось поколений,
Им быть с непредсказуемой судьбой.

~

С Чангом Дзу

Философ этот очень мудрым был.
Условность слов он объяснил толково.
Хотел бы с тем, кто все слова забыл,
Поговорить, но где найдёшь такого.

~

Умён философ, нет вопросов,
А я, признаться, не дорос.
Ответил на вопрос философ,
И стал неясен сам вопрос.

~

Мы, может, и венец Творенья,
Но сплошь и рядом чушь несём.
В одном не может быть сомненья,
Что быть должно оно во всём.

~

Звёзд на небе число несметное.
С безграничностью в паре вечное.
Как понять может вечность смертное?
Безграничность постичь конечное?

~

Свет рампы слепит, глухнут уши.
Купить нас можно за гроши.
Из нас, живых, умчались души.
И полон зал. И ни души.

~

Уже по плечу нам и нано, и тера.
Уже по уму нам Вселенская сфера.
Но вырваться нам не по силам из круга,
В котором убить мы готовы друг друга.

~

**В ушедшие взгляните дали —
Какие гении страдали!
Бедны, больны и одиноки,
Они, одолевая муки,
Какие сочиняли строки!
Какие извлекали звуки!**

~

Отчего такой разлад —
Строим рай, выходит ад?

~

Ад и рай — это две половины души.
Омар Хайям

И рая блаженство, и ада кошмар
В себе совмещал легендарный Омар.
В душе его шли непрерывно бои,
И пил он вино, и писал рубаи.

~

Один из парадоксов Бога
Душа никак не принимала —
Когда несчастных очень много,
Тогда несчастных очень мало.

~

Какая б ни была судьба,
Нет тяжелей судьбы раба.
Без парадоксов нет природы —
Страшней всего рабы свободы.

В нас, вопреки началу злomu,
Живёт святая жаль к живому.
А добрым чувствам вопреки
Нас то и дело душит злоба.
Два берега одной реки,
Она течёт и бьётся в оба.

До чего же странные умы
Подарил нам всем Господь любезно.
Из всего живого только мы
Не поймём, что вредно, что полезно.

Зову я Бога на подмогу,
Но убеждаюсь, тем не менее,
Что лучшее служенье Богу —
В Нём прогрессивное сомнение.

~

Как тайна велика сия —
В моей обители земной
Непознаваемое Я,
Которое всегда со мной.

~

Из Эпикура

Мы несовместны в ходе лет.
Есть я, и значит, смерти нет.
А после рокового дня
Есть смерть, и значит, нет меня.

И

Г

Не случайно,
не просто так
Получается
слов игра...

Р

С

*Н*е случайно, не просто так
Получается слов игра.
В середине слова «дурак»
Прочитал я слово «ура».

~

Великий грех — прелюбодейство,
А мне прелюбо это действие.

~

Влечение на раз — развлечение,
Общение на раз — разобщение,
А право на раз — расправа,
Но каждый раз плата — расплата.

Можешь быть дотошным ты,
Только не до тошноты.

Язык — любимый мой приятель
На протяжении многих лет.
В нём слово есть «доброжелатель»,
А «зложелатель» слова нет.

Как удручает то меня,
Что слишком много злобы.
И пишем мы на злобу дня,
А надо — на добро бы.

Хоть дар любви зовётся даром,
Он нам не достаётся даром.

~

Как тяжела судьба!
Язык виновен что ли?
Работать — от раба,
Уволиться — от воли.

~

Как угодно действуйте,
Только не злодействуйте.

~

Под ногти вошла изуверски игла,
И вся подноготная правда всплыла.
Кошмарное слово тогда родилось,
И жаль, что забылось, откуда взялось.

~

От злости и зависти сходим с ума,
Дома нетерпимости наши дома.

и

Что-то серое едино
В этом слове — середина.

и

Решил сразиться против лени я,
Но сдался без сопротивления.

и

Имущество даёт нам преимущество,
Но звать добром не следует имущество.

и

Как привыкли мы все к злодейству,
А добро не прилипло к действию.

и

Намного меньший вред
От с-ума-сшедших,
Чем от несущих бред
На ум восшедших.

и

Подручные чертей безмерно люты,
Так черти не страшны, как их малюты.

и

Точно палач рубанул с плеча.
Точность — вежливость палача.

и

Повязаны в корне славяне и слава.
Есть в этом резон, а не только забава.

n

Демон в демонстрации угодил в начало,
Что бы, как вы думаете, это означало?

n

Разнеслись быстрее ветра
Слухи о талантах мэтра.
Повстречались с этим мэтром,
Оказался миллимэтром.

n

Электорату нравится разврат,
И в пору звать его эректорат.

n

Он подкован так, что не рискованно
В обществе вести себя раскованно.

Надо так натянуть струну,
Чтобы верным был звук в струне.
Надо так изменить страну,
Чтобы не изменить стране.

Если варианты перебрать,
Можно выбрать самый подходящий.
Если с водкой шибко перебрать,
То любой обидит подходящий.

Выключатель — привычное слово,
А включатель — нет слова пока.
Уж не нашли характер основа
Этой странности языка?

и

Любители пара, напарники, парни,
Мы с паром на пару в парилке парим.
И бывший соперник, он в бане сопарник,
Не кинет, не впарит, держу я пари.

и

На ум пришло мне низложить
Глагол родимый — «изложить».
Увидел я, что «излагать»
В себе содержит слово «лгать».

и

Замучили рынки и цены,
Обрыдли и биржи, и банки.
Что толку закатывать цены,
Практичней закатывать банки.

Я один с другим собой
Без конца вступаю в бой,
Я же третий первых двух
Посылаю на хрен вслух.
Не раздвоен, а расстроен,
И ни капли не расстроен.

В английском «Бог»
звучит, как «Гад» (God)
А «бог» (bog) — болото в переводе.
Другой язык в другом народе.
А жаль, что с русским невпопад.

Ужели Бог и ныне от Творенья
Имеет чувство удовлетворенья?

~

Как восхищает этот пас,
Коронный пас в одно касание:
От избирателей — наказ,
От депутатов — наказание.

~

Одoleвая годы круг за кругом,
Будь предан другу и не предан другом.

~

Счастье формулой не выражается,
Если делишь, оно умножается.

~

*«Мой дядя самых честных правил...»
А. С. Пушкин*

Был дядя самых честных правил,
Но не по ним он нами правил.

Война и Мир (А. Н. Толстой)

Жизнь (Ги де Мопассан)

Война и Мир,
А Жизнь всего одна.
Не вой на мир,
На это есть луна.

Кто слово выдумал «богатство»,
Сложил его из двух корней,
Богатство — это Бог и гадство,
И трудно выдумать верней.

Глубокий смысл всегда отыщешь,
Любое слово назови.
В сокровищах полно кровищи
И откровенье от крови.

А произносишь «человечность»
И видишь вечности чело,
А бесконечность есть конечность,
К которой бес прилип назло.

Со зла берёт начало злато,
Я это знаю не из книг,
А доброта меня до брата
Доводит тут же напрямик.

А как зловещи зло и вещи!
Зачем соединили их?
И в совести я слышу вести
От сотоварищей моих.

Решивший
перекрестово лопте
Тебя не высекает,
о Боже!

А необрезанная плоть
И не омытая в купели,
Но всё же ангелы мне пели
И не забыл меня Господь.

~

**Ты звал меня на этот пир,
Тогда налей и выпьем, Боже,
За то, что я родился в мир,
И мир в меня родился тоже.**

~

Настал великий миг творенья,
Тот первый миг. Да будет свет!
Возникло Время в то мгновенье
И потекло до наших лет.

Свернулась Вечность, как котёнок,
Заснув калачиком у ног.
Я впитывал её с пелёнок,
Ещё не зная слова «Бог».

С какими может быть сравнимо чудесами
Твоё рожденье на Земле под небесами?

Душа полна особым смыслом,
Неведомым словам и числам.

Не исчислить дорог
И сомнений не счесть,
Но вопрос, есть ли Бог,
Означает, что есть.

~

Разочарован я во многом,
И очень бы хотел, поверьте,
Поговорить при жизни с Богом,
Но очередь к нему до смерти.

~

Тьма мудрецов и та же тьма в итоге
Неразрешимых парадоксов в Боге.

~

Бог есть, его ищите всюду,
Но если он чего не дал,
Не торопитесь бить посуду
И учинять ему скандал.

~

Кто не выстрадал Бога,
Бог тому не подмога.

**Церковь, мечеть, синагога —
Вечная сшибка умов.
Боже, не слишком ли много
Ты понастроил домов.**

**Нет дьявола, его придумал Бог.
Иначе оправдаться бы не смог.**

Если так, что быть не может хуже,
К небу не взывай, слезу утри.
Бога в помощь не ищи снаружи,
Он живет в душе твоей, внутри.

О Боге думал с осторожностью,
Не все и боясь немного.
Жизнь хороша своей безбожностью,
Но тяжело помирать без Бога.

Мощь беспредельной Пустоты
Творит Материи пределы,
А мы слабы и неумелы,
Чуть что: «О, Боже», и в кусты.

Пророчества должны сбываться,
Пока идём по тропам Божьим.
Зачем же нам с пути сбываться
И пробираться бездорожьем?

~

Не надо горько так рыдать
И призывать на помощь Бога.
Желающих тебя предать
Ещё найдётся очень много.

~

Неведомо Господь вершит свой суд.
Что видится Всевидящему оку?
Отвергнувшие крест, его несут.
К какому Он приговорил их сроку?

~

Не ведал он о свете том,
Но жизнь земная означала
Богоискательство сначала
И Богоборчество потом.

~

На тьме, похоже, Божье вето,
Она орешек крепче света.

~

Красота спасёт мир.
Ф. Достоевский

**Возлюби! — нас молили с креста.
В Благодать нас влекли из Природы.
Может, мир и спасёт красота,
Но скорее, погубят уроды.**

~

Был распят он во спасение.
Был из мертвых воскрешён.
Думал Бог, вопрос решён.
Но кому-то Воскресение,
А кому-то Йом Ришон*.

~

**Ужели Бог без жертвоприношений
Не мыслит с нами добрых отношений?**

* Йом Ришон (*иврит*) — День Первый, следующий за шабатом — субботой.

~

Могу признаться искренне,
Дана от Бога искра мне,
И даже не одна. Не раз
Их много сыпалось из глаз.

~

Белый, жёлтый, лиловый окрас,
Много Бог нараскрашивал рас.
Может, свой и порадовал глаз,
Но рассорил раскрашенных нас.

~

Вопрос мой, Боже, может, неудобен,
Но не найдёт ответа раб Твой дерзкий.
Ведь если человек Тебе подобен,
Ужель и Ты такой бываешь мерзкий?

~

Господь на перекрёстках наших судеб
Забыл про светофоры и развязки.
Вот почему так много в мире судей,
И речи их так вычурны и вязки.

~

Стезя учителя такая —
С терпеньем адским, понемногу,
В небесный промысел вникая,
Помочь свершиться в чадах Богу.

~

Не разобраться в Божьей вязи,
Но штрих один осознан мной —
Когда б не зло в обратной связи,
Не знал добра бы шар Земной.

~

Одного лишь требует наука —
Разобрать, что Бог шепнул на ухо.

~

Альберту Маркову

В нас Бог, Альберт, живёт молчком.
Где Он, неведомо науке.
Но если водит он смычком,
Летят божественные звуки.

~

В Бога искренне верьте,
И понятно вам станет,
Что трагедия смерти
И на драму не тянет.

~

Не надо делать так уж много,
Чтоб в жизни обрести себя –
Молись, как если всё от Бога,
Трудись, как если от тебя.

~

Уезжая в дальнюю дорогу,
Всё оставив, осознал я вдруг,
Почему пустыня внемлет Богу,
А цветущий сад безбожно глух.

~

Не начинай орать с порога,
Остынь, рассудок обрети,
Совета попроси у Бога
И зло во благо обрати.

Даны прозрения пророкам,
Мы благодарны их урокам,
Но относиться к их прозреньям
Должны мы всё же с подозреньем.

Благой была бы эта весть,
Что все мы вместе Бог и есть,
Когда бы дикой и тупой
Мы не вершили суд толпой.

Не сотвори себе кумира —
Придумал мудрый Ты завет.
А сам себя, Властитель мира,
Имел в виду Ты или нет?

~

Привыкли мы на ум пенять,
Но, может, зря его порочим.
Умом Россию не понять,
Но Бога тоже, между прочим.

~

Что значит Бог, я не пойму,
И что есть Я, не знаю тоже,
Но кто же это и к кому
Не устаёт взывать «О, Боже!»

~

Чей Бог ценней, тут неуместны торги.
Допустим, я от своего в восторге,
А твой Всевышний вроде бы иной.
И как ни грустно это, только в морге
Объединимся в истине одной.

~

Дивлюсь, как чуду, девушкам прелестным,
Божественное слито в них с греховным.
Бог делает духовное телесным,
А Человек — телесное духовным.

~

Как примирить миг жизни быстротечной
С неведомой до смерти жизнью вечной?
Как примирить своё земное Я
С надёжно скрытой тайной бытия?

~

Не уставай рыть землю рогом
И верь, что нет сильней тебя.
Ведь даже Бог не стал бы Богом,
Когда б не верил Он в себя.

**Что Божеское, что мирское дело?
Вопрос непрост, с ответом не спеши.
Свой голод утолить — потребность тела,
А накормить другого — зов души.**

Из опыта житейского извлёк,
Что близко небо, а Господь далёк.

*Бог терпел и нам велел.
(поговорка)*

Бог терпелив и призывает нас
Смирненно жить и проявлять терпенье,
Но у Него есть вечность про запас,
А наша жизнь всего одно мгновенье.

~

Ужели Бога не постичь Уму,
И только Чувство нас ведёт к Нему?

~

К Богу нас приводит зов души,
К женщине приводит голос плоти.
Ну, а крик, которым вы орёте,
К беспросветной приведёт глуши.

~

Кто Божий раб, кто раб Тельца,
Нет рабству края и конца.
Как ни тарань природу лбом,
Удел твой вечный быть рабом.

Без высших сил была б душа,
Весь мир не стоил бы гроша.

Был Ум глубок, был Ум велик,
Он Истины увидел лик
И ликовал, любуясь ликом.
Но если Мудрость нам дана,
То видит Истину она
В её величьи многоликом.

Как два ведра на коромысле, я
Несу по жизни двоемыслие:
Есть Бог, и Богом я ведом.
Нет Бога, всё своим трудом.

~

У религий с рожденья в крови
Нетерпимость под маской любви.

~

Попыток тьма понять Творца.
Есть и такое пониманье —
Надежда Он для храбреца,
А не для труса оправданье.

~

В себя вбирая жалких знаний крохи,
И космос, и себя постичь спеша,
Мы топим души в омуте эпохи,
Не зная толком, что же есть душа.

Как Божий дар, готов принять я
Благословенья и проклятья.

И счастья много, и несчастья много,
Поэтов много и полно менял.
Но если был бы я на месте Бога,
То ничего бы в жизни не менял.

**Я крепче становлюсь в неверии,
Что одолеет всё наука,
Когда на берегу Материи
Стою у океана Духа.**

~

Время смеха и время слёз,
Время рушить и время строить,
И извечный Богу вопрос:
Можно мир иначе устроить?

~

Вера без знания глуха и незряча,
Знание без веры незряче и глухо.
Только совместно они, не иначе,
Могут проникнуть в явления Духа.

~

Постичь удастся вряд ли Бога.
Он наше вечное наитие.
Но всякий раз сулит открытие
К непостижимому дорога.

~

Не может нас избавить Бог
От беспокойств и от тревог.
Они наш вечный неуют
И расслабляться не дают.

~

Непостижима Пустота пустот,
Где нет ещё ни Бога, ни Творения,
И друг за другом не идут мгновения.
Хотел понять бы, только ум не тот.

~

**Вера Человека в Бога
В жизни значит очень много,
Но слабеет век от века
Вера Бога в Человека.**

n

Святош по Божьему суду
Сурово покарали,
И столько собралось в аду
Ревнителей морали.

n

Что нам ты уготовил, Боже,
Вершитель судеб наших странных.
Во все века одно и то же,
В каких бы мы ни жили странах.

n

Не дай нам Бог безвременной кончины,
Но смерть не враг, и смысл её велик.
У нас, живущих, нет иной причины
Ценить, как дар небесный, каждый миг.

~

Пусть не звучит ответ,
Пусть не постичь уму,
Но в то, что Бога нет,
Не верь ты никому.

~

Хоть не свершился наш союз
Ни в обрезаньи, ни в крещении,
Дана мне, Боже, в ощущении
Реальность наших прочных уз.

~

**Растворюсь в кромешной темени,
И другого не дано.
Что останется во Времени,
Знает только лишь Оно.**

~

Осенним многоцветием листва
Чарует так, что ощущение сказки.
Поверить трудно, что без Божества
Могли бы полыхнуть такие краски.

~

Ужель когда-то будем
Мы жить в любви и вере?
Под силу это людям
Иль в них сильнее звери?

~

Смерть есть прямое нарушение
На жизнь законных наших прав,
И к небу голову задрал —
Там Высший Суд — мы ждём решение.

n

Есть Господь, но верится с трудом.
Что за равнодушие к нашим бедам?
Чувствую, что Кем-то я ведом,
Только этот Кто-то мне неведом.

n

**Хочу спросить Тебя, Господь,
Ещё влияешь на Творенье?
Где «дум высокое стремленье»?
Одна ликующая плоть.**

n

Бог работал шесть дней до субботы
И безумно устал от работы.
На шабат Он решил удалиться,
И шабат Его всё ещё длится.

~

Что в Твоём Творении творится?
Ты Отец нам или не Отец?
Меж собой нам не договориться.
Можешь Ты вмешаться, наконец?

~

Слова заученных молитв
Тебе не надоели, Боже?
Во все века одно и то же,
Не можем дня прожить без битв.

~

Реальности и мистики клубок,
Запутан он, и смысл его глубок.
Помочь нам разобраться мог бы Бог,
Но с кем Ему общаться? Кто пророк?

**Физику люблю. На «ты» я с ней,
Но порою мистика ясней.**

Бесконечность взглядом измеряю,
Сверю с вечностью жизни срок.
От «не верю» приводит к «верю»
Этот мысленный мой урок.

Почему душе тревожно,
Объяснить себе не смог.
Не на всё ответить можно.
Что-то знает только Бог.

~

Что есть стихи? Ответ непрост.
Тут можно говорить о многом.
Но если кратко, это мост,
Меня соединивший с Богом.

~

Совершенен Бог в себе самом.
Мог бы жить в обители безлюдной,
Но своим всеведущим умом
Возжелал любви Он обоюдной.

~

Он один. Ни имени, ни отчества.
Нелегко Ему от одиночества.
Станет ли Творения венец
Не рабом, а другом, наконец?

~

Мы прозреваем только в скорбный час,
Иные плохо действуют уроки.
О Господи, прости безумных нас,
Дай нам увидеть, кто Твои пророки.

~

Хочу в Твою проникнуть суть,
Твоим деяниям внимаю,
А что не всё я понимаю,
Так смертен я, не обессудь.

~

Когда трудна дорога,
Беда в недобрый час,
Не подведите Бога,
Который верит в нас.

~

Чудо мы объясним в итоге.
Наши знания станут шире.
Мы не чуду дивимся в Боге,
А реалиям в Божьем мире.

~

Про себя и про Бога сказал бы я так:
Нас отныне не мыслю отдельно.
Без царя в голове был отнюдь не дурак,
Но без Бога был глуп беспредельно.

~

Сколько горя от доносов,
Сколько бедствий от наветов.
Столько к Богу есть вопросов,
Но дождёмся ли ответов?

п

Бог решил, сотворяя нас всех,
Очень мудро одну из задач:
Если люди способны на смех,
Быть способны должны и на плач.

п

Мне в самую проникнуть суть бы
И пару слов сказать Тому,
Кто пишет в Книгу наши судьбы,
Непостижимые уму.

п

Василию Гроссману

Прошедшей жизни подводя итог,
Писал с заглавной буквы слово «Бог».

~

О Боге размышляем много,
Лелеем избранности чувство.
Нам открывает тайну Бога
Творцов великое искусство.

~

Что наша жизнь? Переживанья сплошь.
То правда нас гнетёт, то бесит ложь.
Переживём опять или конец?
Что за сценарий написал Творец?

~

Не зная ни религий, ни наук,
Вопрос мне задал пятилетний внук,
Услышав, что живёт на небе Бог:
— А на Земле Он что ли жить не смог?

Бог нас творит, не разбирая,
Для ада мы или для рая.
Он после Высшего Суда
Решит, туда или сюда.

Какие таинства таятся
В судьбе, ниспосланной Тобой?
Не знаем. И зовём судьбой
То, в чём сумели состояться.

Был Божий замысел хорош,
Но что за дьявольская метка —
Друг друга любим очень редко,
Друг друга ненавидим сплошь.

Тебя я славить был бы рад,
Всесильным Ты слывёшь не даром.
Зачем же косишь всех подряд?
Разил бы точечным ударом.

Непостижим Господь в своих делах.
Нисходит Он Божественным сияньем,
Внушая нам любовь к себе и страх
И оправданье всем своим деяньям.

**Признание — сладостный итог
Всех наших дел на белом свете.
В делах нам помогает Бог,
Он за признание не в ответе.**

Взываем к Богу без конца,
Не устаём Ему молиться,
Но «час сокрытия лица»
Уже века всё длится, длится.

Вступление к «Библейским поэмам»

Бог не имеет рода и лица,
Числа и формы, веса и размера.
Нет у него начала и конца,
Он всё и ничего. Он только вера.
Не господин, не царь и не кумир,
Нет у него ни зрения, ни слуха.
Для нас, на миг пришедших в этот мир,
Он нечто из другого мира Духа.
Нам не дано определить его,
Но мы не проживаем годы сирот.
От осознанья тайны **Ничего**
И **Мудрость** в нас и **Пониманье** мира.
И пусть заносит нас по временам,
Что Бога нет, конец всему — могила,

От **Мудрости** **Любовь** приходит к нам,
От **Пониманья** возникает **Сила**.
Любовь и **Сила** — их союз велик,
Он пробуждает творческие муки,
И **Красоты** богоподобный лик
Являют нам искусства и науки.
Любовь и **Сила** вместе с **Красотой** —
И нет в помине всех людских пороков.
В обители **Великолепной** той
Есть только **Вечность**, нет иных в ней сроков.
В Божественное верить надлежит,
Иначе горе мыкать в укоризне.
Всё это в **Основании** лежит
Реальности сиюминутной жизни.

Язык мой —
враг мой, нет вопроса,
Но всё же больше бед
от него

*А*окинув тело, гордо рея,
Возносится душа еврея.
Не грех счастливой быть и гордой,
Навек простясь с жидовской мордой.

и

Это чьи-то враки,
Что хитры евреи.
Просто любят фраки
Больше, чем ливреи.

и

Согнувшись в виде запятой,
Гонимые судьбой треклятой,
Мы все ходили под пятой
И под графой ходили пятой.

~

О нашей строчке из анкет
Мы помнили всегда.
— Судился? Нет.
— Ссылался? Нет.
— Национальность? Да.

~

Пока не грянет гром,
Мужик не перекрестится.
Покуда не погром,
Еврей не переместится.

~

Не спешите верить в чудо,
Откреститесь поскорей.
Если это чудо-юдо,
То оно опять еврей.

~

Бог рассеял нас по свету
И сияет, как пятак:
Есть кого привлечь к ответу,
Если что-то вдруг не так.

~

Так уж, брат, по жизни вышло,
Тот умнел, кто был гоним.
Ушлых больше между пришлых,
А куда ж деваться им?

~

Конца и края нет невгодам.
Неужто Божья воля в том —
Сначала наградить Исходом
И безысходностью потом.

Горжусь я предками своими
И поражаюсь их уму.
Нет слова «Бог», есть только «Имя»,
Неведомое никому.

Отец небесный наш не прост,
Как враг он избранному роду,
Иначе столько жёлтых звёзд
Зачем пришил он к небосводу?

Не потому ль еврей богатым
Слывёт повсюду испокон,
Что в мире злобном и треклятом
За всё расплачивался он.

~

Изумляюсь искусству предков,
Непомерному их труду.
Только жаль, что искусство редко
Отводило от них беду.

~

**Две тыщи лет гонений,
И стал наш ум остёр.
Что ни еврей, то гений
Науки и афёр.**

~

Нас времена на прочность испытали,
И рвали нас, и гнули на излом.
Мы ненависть к себе в себя впитали,
Но упаси нас Бог ответить злом.

~

На судьбу нам пенять не к лицу,
Хоть досталась нелёгкая доля.
Мы в прямом подчиненьи Творцу,
И своя не утрачена воля.

~

Бог не уберёт нас от беды,
Но и налицо его забота.
Кроме окружающей среды,
Окружает нас ещё Суббота.

~

Не знаю, к счастью иль к несчастью,
Но странного мы роду-племени,
Не целиком, а малой частью
Живём в пространстве и во времени.

~

Антисемиты извести нас мыслят,
Среди других народов нас не числят.
Но неспроста идём мы через Время,
Иуды и Христа чудное племя.

~

Один еврей в Божественность другого
Поверил? Да не может быть такого!

~

Голгофу, невзрачную горку,
Великой святынею чтут.
Евреи с евреем разборку
Когда-то устроили тут.

Ор и слева, ор и справа,
И из центра тоже ор,
И опять спасён Варрава,
Всем давно известный вор.

Уже к кресту прибиты руки.
— За что, Отец мой?! — сын кричал.
Но обречён он был на муки —
В еврейке Бог его зачал.

Как завещал нам Божий сын с креста,
Решает все проблемы всепрощенье.
Как гениально это упрощенье,
И очень жаль, что жизнь не так проста.

~

Как терзают людскую плоть!
Разве сын Твой один распят?
Нет прощения им, Господь,
Ибо ведают что творят.

~

**Не по любви все люди братья,
Их ненависть теснее сплачивает.
Раскинешь руки для объятия,
И тут же гвозди в них вколачивают.**

~

Садист бы не придумал крест,
И кто б услышал благовест?

~

Таким снабжён я от рожденья геном,
Что никаким не выжечь автогеном.

~

На вопрос всегда вопрос —
Так еврей веками рос.
У еврея даже нос
Изогнулся, как вопрос.

~

Не дураки аборигены,
Иметь хотели б наши гены.
Не жаль нам генов, нет вопроса,
Но как их передать без носа?

~

Нос такой, длиной в полметра,
Не удержишь против ветра,
Повернётся он в мгновенье
От любого дуновенья.

~

Уезжают из России
Соплеменники Мессии.
То ли это глас небес,
То ли их попутал бес.

~

Для чего-то всё же нас Сеятель рассеял,
Видно, вывести хотел необычный сорт.
А теперь прости-прощай, матушка Расея,
На дорожку посидим и в аэропорт.

~

Ты себя помяни и влей
Стопку спирта одним глотком.
Аль не слышишь, русский еврей,
С колокольни звонят по ком.

~

Прощайте, города и хаты,
От холодов и зимних вьюг
Те, что чесночны и пархаты,
Решили упорхать на юг.

~

Грамматическое деление,
Обсуждению не подлежащее:
Русский — это определение,
А еврей — это подлежащее.

~

Там евреев не было, пока
Числилась геройской ВЧК.
А преступной признана она,
Сразу оказалось дохрена.

n

На Оби вечера хороши.
Часто их вспоминаю, старея.
Мука вечная русской души
Породнённого с Обью еврея.

n

«Ков» на иврите значит «пятка»,
Отсюда Яков и подкова.
От совпадения такого
Не осеняет вас догадка?

n

Спасал Россию, бил жидов,
И вот венец его трудов.
Теперь, когда придёт беда,
Где для причины взять жида?

~

Выхожу один я на дорогу.
Остальные там уж, слава Богу.

~

Есть что-то в этом варианте:
Он был семит с приставкой анти.

~

Есть у теперешней планеты
Две характерные приметы:
Высоких технологий появление
И общее планеты поеврение.

~

Ещё свежи предания,
Ещё страшны видения,
И мучат ожидания
Сплошного ожидания.

п

Стремление попасть в элиту
Присуще пришлому семиту.
Не потому ли из элиты
И родились антисемиты.

п

Мы чужды и пассивности, и лени.
Не любим быть в тени, стремимся к свету.
Но стоит только выйти нам из тени,
За что-нибудь да привлекут к ответу.

п

— Бороться за то иль бороться за это, —
Еврей попросил у рабая совета.
— Кто ж в этом, — ответил рабай, — разберётся,
За то иль за это. Тут важно — бороться.

Есть первый круг — моя семья,
Второй — родное племя,
И третий — вся, как есть, Земля
В одно со мною время.

Нещадным светилом палимы,
Страдают по снегу олимпы.
Среди апельсинов и роз
Они вспоминают мороз.

В России по глубокой колее
Привычно было ездить алие.
В Израиле без этой колее
Проблем с ездой полно у алии.

~

Здесь парадоксов много очень,
С одним столкнёшься сразу ты —
Жара, что просто нету мочи,
И не хватает теплоты.

~

Звезда с звездой говорит,
А я восторженно внимаю
И ничего не понимаю.
Придётся выучить иврит.

~

Я стораю, как в напалме,
В голове от зноя сдвиги,
А бессовестные пальмы
Мне показывают фиги.

и

Может, и полюбим эту даль мы,
Пядь земли со зноями несносными,
Были б там берёзовые пальмы
Рядом с апельсиновыми соснами.

и

Сюда слетелась уйма птиц
Из уголков любых,
И много золотых яиц
От курочек рябых.

и

Становимся старей
И лучше понимаем —
Куда б ни шёл еврей,
Идёт в Ирушалаим.

~

Стенать не стану у Стены,
Поговорю, как Гамлет с тенью,
И изолью, как дождь растенью,
Свои загадочные сны.

~

В какой ни жили бы стране,
Была нам разница ясна —
Не мы прикованы к Стене,
А к нам прикована Стена.

~

**Исходит поле от Стены
И от прижатых к ней ладоней.
Что выше этой вышины?
И этой бездны что бездонней?**

~

Он был заика и левша,
Не мог молиться без распева,
И справа он писал налево,
И в нас теперь его душа.

~

Дорога в храм — не пеший путь,
Она идёт от мозга в душу.
По ней иду. Немного трушу,
Но вижу в этом жизни суть.

~

Где Истина? С ответом не спешу
И слепо я не следую Заветам.
В одном не усомнюсь — пока дышу,
Я буду сомневаться в том и в этом.

~

*В ранце каждого солдата
лежит жезл маршала.
Наполеон*

Заголосили все засранцы,
В штаны наделали от страха —
У каждого еврея в ранце
Жезл обнаружен Машиаха.

~

Отец небесный, чтоб Он был здоров,
Он в нашем воспитании суров.
Нещадно биты мы Его ремнём,
Но и спасенье наше только в Нём.

~

**Мы вместе по истории течём.
Одним из двух последствия чреваты.
Всё хорошо — евреи ни при чём.
Всё плохо — так евреи виноваты.**

История рождается из Торы,
Меняется со временем фасад,
А люди остаются, как повторы
Того, что было много лет назад.

Нас испытало зло всерьёз,
Не зная, что такое жалость.
Почти иссяк источник слёз,
На смех ещё осталась малость.

Какая разница во времени с Москвой? —
В Иерусалиме вопрос я задал свой.
Услышал неожиданно в ответ:
— С Москвой? Две с половиной тыщи лет!

~

На юге мёртвою водой,
На севере живой омытая,
Две тыщи лет назад убитая,
Страна воскресла молодой.

~

Если речь о территории,
Миль квадратных в нём немного,
Но огромен вглубь Истории
И простёрся ввысь до Бога.

~

Сады повсюду расцвели в пустыне
От Иерусалима до окраин.
Всё просто объясняется — отныне
Вернулся в этот край его Хозяин.

~

Сион

В метрах меньше восьмисот,
И горой-то звать ни к месту,
Но достиг таких высот,
Что куда там Эвересту.

~

Плод небесной красоты.
— Яблочко, откуда ты,
Не из рая ли?
— Из Израиля.

~

**Израиль по судьбе своей непрост.
Был два тысячелетья без отечества.
Он вечный раздражитель человечества
И в нынешних сражениях форпост.**

~

Есть место на Земле одно,
Зовётся Родиной оно.
Другое место, край иной
Зову теперь моей Страной.
Есть третье место в свой черёд,
Где проживает мой Народ.
И так я счастливо устроен,
Что не расстроен, а устроен.

Речь российская
без мамы,

Как души без аромата

Чтобы речь доходчивей звучала,
Тут же посылаются гонцы
Или в материнские начала,
Или на отцовские концы.

~

Есть целебная сила в яде,
Есть пикантная сладость в бляди,
Если только и яд, и блядь
В малых дозах употреблять.

~

Приведу один пример,
Где осталась буква *Хер*.
Много строк своих, друзья,
Можете поверить,
Зачеркнул крест-накрест я,
Чтобы их похерить.

Мы так стеснялись слова «хер»,
Что парикмахер и мохер
Произносили мы с опаской
И тут же заливались краской.

**Такая мерзопакость в нём
Со всех сторон видна,
Что обозвать его говном
Обидно для говна.**

Всё иное о нём — чепуха,
Человек он с большой буквы Х.

~

Материализм с неодобрением
Я воспринял сразу и давно.
Что ж я после смерти удобрением
Стану, как последнее говно?

~

Можно охать, можно ахать,
Стало модным слово «трахать».
Раньше означало — бить,
Нынче значит — баб любить.

~

Это омерзительное скотство
В каждой бабе с блядью видеть сходство.

~

Не завиден жребий коровий,
Только бычий ещё херовей.

~

Страхи, трахи, ахи,
Голых баб полно,
Драки, сраки, факи —
Вот и всё кино.

~

Одним на клевету плевать,
Другим на клевету клевать.
Наживки лучше нет для клёва.
На истину клюёт хуёво.

~

Говорили речи с бранью —
Очень нравились собранью,
Говорить без брани стали —
Понимать нас перестали.

~

Одно и то же вроде, но
Не каждый экскремент — говно.

~

Искусство творящие гении,
Божественной силы посланцы,
Но в личных делах, тем не менее,
Вы часто такие засранцы.

~

Не случайные совпадения,
А извечное постоянство —
Человеческие падения
В наркоманию, в блядство, в пьянство.

~

Подонки, гады, суки,
Ублюдки, гниды, мразь,
Но всё ж на то и шуки,
Чтоб не дремал карась.

~

Как важно достичь соответствия,
Найти подходящую меру.
Фашистская форма приветствия
Вполне соответствует херу.

~

Что скопилось, стало прахом,
Что хотелось, стало трахом,
Что светилось, стало мраком,
Только страх остался страхом.

~

Объединил кустарь умело
Вино и секс на свой манер,
Под ручку приспособил тело,
А штопор сделал там, где хер.

~

Он такой же, как и все,
Если только каки все.

~

Люблю деревенские встречи
И речь, что не злобна, не бранна,
Вот только мелодика речи
Без мата слегка иностранна.

~

Прости меня ты, наглеца,
За хамские, конечно, речи,
Но ощущение конца
Началом было нашей встречи.

~

**Как странно то, что иностранно,
Мир по другому крою шит,
Но там говном ругались бранно,
И тут опять сплошной булшит.**

~

Не удержусь от крепкого слова,
Мне зверя жаль, бежит он на ловца.
Хочу я помешать его поймать,
Ору: «Куда ты прёшь, едрёна мать!»

~

Умны от Создателя люди,
Но глупость им тоже дана.
Есть в самом изысканном блюде
Какая-то доля говна.

~

Снова март, и поздравленья
Зазвучат опять взахлёб.
Что-то часто дни рожденья
Замелькали, мать их ёб.

~

Где мерило есть богатство,
Список Форбса — свет в пути.
И сплошное потреблядство
Всюду, мать его ети.

Что за песни, что за танцы?
В звёзды рвутся звездорванцы.
Что несут они с эстрад?
Звездануть бы их под зад.

Сказал бы пару слов Ему,
Эмоций море непечатое,
Но, к сожаленью моему,
В уме одно лишь непечатное.

День рожденья отметил с утра.
Сколько лет? Да уже до хера.
И подумать о вечном пора,
Да с невечным проблем до хера.

п

То, что матом говорится,
Так и есть в конце концов.
Среди тех, кто матерится,
Редко встретишь подлецов.

п

Зад и орган детородный —
Речи нет без них народной.
Непечатны их кликухи,
Но зато в народном духе.

п

Не выбирал я лет своих
И жил в семье народов братской,
Нет, не скажу, что жизнью блядской,
Но всё же не своей, а их.

~

На ветку ястреб прилетел,
Меня измерил зорким взглядом,
И плюхнулась лепёшка рядом —
Мол, срать я на тебя хотел.

~

Достала эта речь меня.
Не болтовня и не брехня.
Точнее слова не найдёшь,
Чем непечатное «пиздёж».

~

Есть жизнь за гробом или нет,
Кто может знать, пока не умер.
Мне кажется, я знал ответ,
Но вспомнить не могу — Альцхуймер!

n

Хлебнул чуть-чуть, и каждый атом
В нём начал изъясняться матом.

n

**Что в России творится?
По закону вот-вот
Запретят материться —
Онемает народ!**

Как мы кипели,

как мы фидили,

А на уле один штиль

Немало в жизни был я рад
Любовных совершить признаний.
За праведность не ждал наград,
А за греховность — наказаний.

~

От женщин я привык скрывать,
Что думал только про кровать.
Иль про другое думал место,
Которое годилось вместо.

~

Не скажу, что все, но многие
Из мужчин членистоногие.
Их просты пути-дороги,
Куда член, туда и ноги.

Зачатье в муках было бы, как роды,
Проблем бы было меньше у природы.

С организмом нету сладу,
Если чует он усладу.

Безумной страстью увлечённый,
Дышу любовью, как озоном.
Я в этой жизни заключённый,
К твоим приговорённый зонам.

О, сладость плотская утех!
О, сила женских чар!
Нет сил противиться у тех,
Чью плоть кидает в жар.

n

**В политике и сексе не мастак,
Но сходству их не мог не поразиться я.
И там и здесь ничто не важно так,
Как выбранная правильно позиция.**

n

Так долго я качал любви кадило,
Что ты вставала вдруг и уходила.

n

Есть женщины подстать кидалам —
Всегда уходят со скандалом.

n

Эх, весеннее да состояние —
Всё висение пришло в стояние.

Ты бесподобна, ты ... бесподобна,
Ты бес, в ребро ударивший с небес.
Бесподобна и богоподобна.
Как два в одном, сошлись и Бог, и бес.

Какая в нас кипела злость
И даже ярость,
Но всё в итоге улеглось
И устоялось.

К любовному мужчины склонны бреду,
А цель одна — торжествовать победу.

~

Не уронив мужскую честь,
Вы и пыхтели, и потели.
Но мысль навязчивая есть,
Что спали вы не в той постели.

~

Поз одуряющая гамма
Из двух соединённых тел.
Не буду врать, скажу вам прямо —
Не справлюсь, как бы ни хотел.

~

Себя я помню увлечённым.
Земной была ты, не видением.
Не то, чтоб с лёгким поведением,
Но с поведеньем облегчённым.

Прошло и обожать, и обижать.
Одно теперь осталось — убежать.

**Любить у женщин много побудителей
И вновь приобретённых, и врождённых.
Они сильнее любят победителей,
Но к ним сильней любовь у побеждённых.**

Дурные мысли лезут сами.
Я их шепчу на ушко даме.
И не успел моргнуть я оком,
Как мы забыли о высоком.

~

Нам заповедала природа
Стремленье к продолженью рода.
Мы в этом преуспели так,
Что превратили всё в бардак.

~

Когда у дамы ноги есть и бюст,
Неважно, что с её слетает уст.

~

Конечно, трудно одолеть влечение,
Ещё трудней пройти потом лечение.

~

Когда я вижу этих мисс,
Которые красивы очень,
Готов идти на компромисс,
Но чтоб домой вернуться к ночи.

Марий немало блещет красотой.
Куда же подевался Дух святой?
Уже две тыщи миновало лет,
Как от него зачатья больше нет.

**Встретились на лестнице
Две юные прелестницы.
Пока делились сплетнями,
Успели стать столетними.**

Я буду твёрд, как рог у носорога.
Ты потерпи ещё совсем немного.

n

В разборках с собственной женой,
В любом семейном переплёте
До крайностей — ни боже мой,
За исключением крайней плоти.

n

Нет нужды у мерина
Вести себя умеренно.

n

В этом вижу я смысла глубокий,
Нет отдельно нас. Мы вдвоём.
Одинокий, как одноокий,
Ощутить не может объём.

~

Если свой не подниму престиж,
Ты простишь меня иль не простишь?

~

Те, в ком дамы души не чают,
Поучительно замечают:
Начинают любить ушами,
Но совсем не ушами кончают.

~

Живёт в нас похотливый бес,
Но есть любовь во искупление,
И мы возносим до небес
Обычное совокупление.

~

Когда-то сами щёчки рдели,
Теперь покрашены в борделе.

~

Не упрекну в измене дам —
Все мужики — один Адам.
И если я бегу налево,
Любая дама — только Ева.

~

**Всю жизнь одну играю драму
Без выкрутасов и затей —
Ищу возвышенную даму
Для самых низменных страстей.**

Гляжу на макияж и мучаюсь вопросом,
А может ли урюк стать снова абрикосом?

Не взвесил. Не учёл. Не вник.
Пошёл, как агнец на закланье.
Такое вспыхнуло желанье,
Что разум ослепило вмиг.

Тут и споры о вкусах излишни,
Кто не любит варенье из вишни?

Мужской престиж нельзя ронять,
Когда тебя прельщает дева.
Не бойся Божий гнев принять,
А женского побойся гнева.

~

Дойдя до высшего накала,
Когда тела уже теснятся,
Девушка не простит нахала,
Который вдруг начнёт стесняться.

~

Приятно с водки повело,
Язык метёт, как помело,
И шепчет сальности на ушки
Ужасно милой хохотушке.

~

Выпили по соточке —
Такие все красоточки,
И спать любая, кажется,
С тобою не откажется.

~

Когда общаюсь со спиртным,
Моя играет плоть.
Могу сравнить себя с портным,
Способным лишь пороть.

~

Беспечно жить, что жить без печи.
Из дома норовишь свалить
Туда, где могут суп сварить
И где пока что рады встрече.

~

За ураган страстей минутных,
За ночь любви все дни отдам.
Я числился всегда в беспутных,
Но в путах был у многих дам.

~

У мужчин такие брюхи,
Что сойтись не могут брюки.
На любой накал страстей
Из-под брюха нет вестей.

~

Приёмы есть универсальные
Снискать расположение дамское.
К примеру, анекдоты сальные,
Но обхождение не хамское.

~

Поглотит нас бездна вселенская,
А как, не имею понятия,
Но души, мужская и женская,
И там устремятся в объятья.

~

Как бы так убыть из быта,
Чтоб ни с кем не быть в разладе —
И жена не позабыта,
И подружки не внакладе.

~

Мужикам понять пора бы,
Для чего нужны они,
Что нетронутые бабы
Могут тронуться одни.

~

Я напился любовного зелья,
Стал на чувства и лёгок, и скор,
И скачу по ущельям с газелью,
И спускаться не хочется с гор.

~

Куда ж ты, удаль прежняя, девалась,
Неужто зря девчонка раздевалась.

~

Какой же в сексе срам,
Он Богом нам завещан.
Как верующий в храм,
Всегда вхожу я в женщин.

~

Эх, бессонные, кобелиные,
Были ночи, прошли былинные.

~

На девушек смазливый котик
Как сильный действует наркотик.

~

Привычный уклад, приличный оклад,
Жена моя — клад, стихи мои всклад.
Жизнь райская, что ещё надо?
Хоть чуточку хочется ада.

~

Что ты сразу лезешь вглубь,
Охламон ушастый,
Ты сначала приголубь,
А потом и шастай.

~

Распахнуты врата разврата,
Войти легко, но нет возврата.

п

Коль занесло в публичный дом,
И вызвать смех тебе охота,
Ты девочкам скажи о том,
Что непристойна их работа.

п

Любовь влечёт неодолимо,
Сухие губы шепчут «да».
Душа от тела делима,
Любовь от тела — никогда.

п

Худа, остра, как скол доски,
Её попробуй тронь,
Но скоро вспыхнет колдовски
Её любви огонь.

Гоношится петух,
Не совсем ещё потух,
Подбирает курочку
К своему окурочку.

Запретные влекут нас ласки,
Но сдерживает страх огласки.

Бог за грехи пугает адом,
Но Он один и далеко.
Зато богинь полно и рядом,
И удержаться нелегко.

~

Если рядом женщина, мужчине
Как сосредоточиться на Боге?
Мы по этой, думаю, причине
Молимся отдельно в синагоге.

~

Привычки старые меняю —
Морковный сок ищу в меню
И больше не осеменяю,
А лишь ногами семеню.

~

Ты самая из всех, что есть!
Какая прелесть эта лесь.

~

Как сила жизни быстро тает,
Ненужный опыт обретается,
Один, что без костей, болтает,
Другой, что без костей, болтаётся.

~

Стоит нимфам выпорхнуть из клеток,
Тут же превращаются в нимфеток.

~

Ты словно строчка без стиха,
Без зёрнышка орех,
Так страстно хочется греха,
Что, может, он не грех.

~

Не ненависть, а просто неприязнь.
Симпатия. Зачем спешить с любовью.
И страх уйми, но сохрани боязнь,
А крайности всегда вредны здоровью.

~

Смотрю на женщин с вожделием,
Без них зачем житьё моё бы,
А размножались бы делением,
Так и остались бы амёбы.

~

Не дура всё ещё губа,
Остёр, как прежде, глаз,
Но твёрдость, не считая лба,
Уже не каждый раз.

~

Что лучше, думай вновь и вновь,
Решать не надо слёту —
Брак по расчёту на любовь
Иль по любви к расчёту.

~

(Из брачного объявления)

Найти тебя желанием горю.
Какие мне сказать тебе слова?
Готовлю вкусно, мало говорю
И не болит под вечер голова.

~

Со вкусом женщина одета,
И если ты заметил это,
То можешь и не сомневаться,
Со вкусом будет раздеваться.

~

Когда б не нравился мне секс,
То был бы я с приставкой экс.

~

Любить — не всем под силу это дело,
Тут триедины ум, душа и тело.

~

В любовном треугольнике немало
Людей достойных без следа пропало.
В Бермудском треугольнике, заметь,
Гораздо меньше поглотила смерть.

~

Прошла безумных дней услада.
Пришла пора держать ответ.
Платить придётся, спору нет,
Но торговаться всё же надо.

Постичь не смог бы в одиночку,
Что есть любовь. И эту строчку
Нам вместе посвящаю я.
Мы есть любовь. Мы есть семья.

Если от морщин страданья тяжки,
Не спешите прибегать к подтяжке.
Тут хирурга ни к чему участие,
Расправляет все морщины... счастье.

Я счастлив. Мне даровано судьбой
Блаженство опьянения тобой.

~

Стала ты неотъемлемой частью
Моего неделимого Я.
Ты моё приглашение к счастью.
Это больше, чем просто семья.

~

За правило держу я с давних пор —
Когда с любимой возникает спор,
Я задаюсь вопросом этим здравым:
Хочу я быть счастливым или правым?

Ни строчки
написать бы я не смел,
Не говори со мной
по-русски Бог

*Ж*ы в действии любом,
В какой бы ни был роли,
Будь совести рабом
И господином воли.

~

Беды России да будут немноги,
Хватит и двух — дураки и дороги.
Третьей бедой пусть её не накажут
Те дураки, что дороги укажут.

~

Всегда до края, до упора,
Чтоб дым из уха, кровь из носа.
Понос доводим до запора,
Запор доводим до поноса.

Не внесли достижение века
В книгу Гиннеса до сих пор —
Нет сейчас на Руси человека,
Чтобы он чего-то не спёр.

В каком естественны мы качестве,
В трюкачестве или в стукачестве?
А в достижении успеха
Нам честность разве не помеха?

Мы о величии своём
Кричим и там, и тут.
Но, может быть, не мы живём,
А это нас живут?

n

Смириться с этим нам пора.
Похоже, живы мы покуда,
Не будет худа без добра,
Не будет и добра без худа.

n

На солнышко молюсь, как на икону,
Лицом к нему встречаю каждый день,
Но если мог бы, вопреки закону
На то, что сзади, не бросал бы тень.

n

Мы вырвались из душных стен
И снова видим небо в звёздах.
Подуло ветром перемен,
Но кто опять испортил воздух?

~

Умом мы, вроде, не ослабли —
Великих достижений тьма,
Но не хватает нам ума
Не наступать на те же грабли.

~

*Как упоительны в России вечера...
(строчка из песни)*

С друзьями крепко выпили вчера,
Заснули, где попало, по углам.
«Как упоительны в России вечера»,
Как отвратительно в России по утрам.

~

Опрокину стопку —
Полыхнёт душа.
Стопка на растопку
Очень хороша.

~

Население на селе
Спозаранку навеселе,
А иначе ему невмочь
Долю сельскую перевозмочь.

~

Я был всегда своим братком
Не потому, что сильный духом,
Но подстакана пил глотком,
Закусывая хлебным нюхом.

~

Мне снился в ночь под выходной,
Скажи, к чему, ларёк пивной,
Где кружка с пенящимся пивом
И вобла с золотым отливом?

~

Широкой может быть и узкой
Душа людская на Земле.
Широкая зовётся русской,
Нет шире ни в добре, ни в зле.

~

С Карлом Марксом

Трагедия и фарс! Как точно Вы
Определили времена и нравы.
Трагедию, в которой все правы,
Сменяет фарс, в котором все неправы.

~

*Вышли мы все из народа...
(из революционной песни)*

Один вопрос мне год от года
Никак покоя не даёт —
Из тех, кто вышел из народа,
Вернулся кто-нибудь в народ?

~

Кичимся, свой приподнимая дух,
Особостью своей гордимся в мире,
Но удержаться нелегко на двух,
И падаем, как звери, на четыре.

~

Мы привыкли жить в массовке,
Быть в безмерной правоте.
Мы совки. А может, совки —
Прозреваем в темноте.

~

Орущая орава
Дика, тысячеглава.
Готова по команде «фас»
Любого растерзать из нас.

Что взятки гладки, присказка не врёт.
Златой Телец сегодня балом правит.
Вот только страх в покое не оставит.
Не откупиться. Взятки не берёт.

Заслуженно им дали по рукам,
А мы всегда ни в чём не виноваты.
Какие судьбы мы чужим грехам!
Своим грехам какие адвокаты!

Пожили чуток на воле —
Не райские это кущи.
Охота опять неволи,
Охота неволи пуще.

~

Всё делаем, за что берёмся,
Растут оттуда руки-ноги,
Потом никак не разберёмся,
Что получается в итоге.

~

Одних выбирают,
они обирают, их убирают.
Других выбирают,
они обирают, их убирают.
И всё повторяется снова и снова.
Крепка демократии нашей основа.

~

За счастье всенародное борцы,
Успешные в своём борцовском деле,
Как только попадают во дворцы,
Становятся... Глаза бы не глядели.

Миролобивым трёпом
Политики сильны,
Но нас ведут по тропам
Не мира, а войны.

И умные шаги, конечно, есть.
Их сделать бы по избранной дороге,
Но раньше, чем успели сделать ноги
Так много глупых, что уже не счесть.

Немало минуло эпох,
Имеем то, что получилось.
Ужели мир настолько плох —
Всё к лучшему, чтоб ни случилось?

~

Мне б растить лучок на грядке,
Строить дачку бы, сопя.
Я же всё играю в прятки
Сам с собой. Ищу себя.

~

Коммунизм уместен для семьи,
Для страны капитализм уместен.
Есть ли «изм» такой для всей Земли,
Чтобы мирно жили страны вместе?

~

*...На тризне плачевной Олега...
...И на обломках самовластья...*

А. С. Пушкин

Вновь на Руси и плачь и тризна,
Вновь за помин мы пьём до дна,
И на обломках коммунизма
Напишут наши имена.

n

Вьётся реченька-река,
Берега покатые.
Кто поможет беднякам,
Если не богатые?

n

Мчится бешено шоссе —
Колесо на колесе.
И всегда обочина
Этим озабочена.

n

Что-то в замысле нечисто.
Или так задумал Бог,
Чтобы шага без юриста
Человек ступить не мог?

~

Не бойся, не проси, не верь —
Три заповеди зэка.
Ничто не мерзко так, как зверь
В обличье человека.

~

*Товарищ, верь, взойдёт она,
Звезда пленительного счастья...*
А. С. Пушкин

**Страна опять разорена,
И не остыв от соучастья,
Мы ждём, когда взойдёт она,
Звезда пленительного счастья.**

~

Прочёл о достиженьи я с улыбкой.
Мне гордость за науку сердце полнит.
Гибрид акулы с золотою рыбкой
Последних три желания исполнит.

~

На то мы родились,
Чтобы на всех парах
Мчать в бездну или ввысь,
Одолеев страх.

~

Мечемся, спасаясь от меча,
Молим о пощаде палача.
А палач на то он и палач,
Чтоб не реагировать на плач.

~

Одуревши, с открытым ртом,
От испуга глаза навывкате,
Мы несёмся опять гуртом,
А забойщики ждут на выходе.

n

До чего же голос зычный,
До печёнок пронимает,
Но такой косноязычный,
Что никто не понимает.

n

...Златая цепь на дубе том.
А. С. Пушкин

**Златая цепь на дубе том,
А на руке браслет и перстни.
Иная жизнь — иные песни,
Смешно учёным быть котом.**

n

Жизнь прошла на этом старом свете,
Вот лечу на тот, на новый свет.
То ли сам я за себя в ответе,
То ли Бог мне нашептал совет.

**Выбирая кучера, о том
Рассуждаем, как он держит вожжи.
А про то, как действует кнутом,
Узнаём обычно много позже.**

Сальдо-бульдо, дебит-кредит,
Нынче каждый этим бредит,
А любовь и благодать
Даже в лупу не видать.

Мы до радостей все охочи,
Были б только они одни.
Но уходят белые ночи
И приходят чёрные дни.

~

Различны эпохи и царства,
Жилища, манеры, одежды,
Но те же людские мытарства
И те же на счастье надежды.

~

От злобы вмиг тупея,
Звереем мы в момент,
И только портупея
Содержит аргумент.

~

Он кайфовал, он смаковал,
Он словно предвкушал событие,
Бутылку он не открывал,
А совершал её открытие.

~

Ткнул я пальцем наугад,
И опять попался гад.
То ли гады валят кучей,
То ли счёты сводит случай.

~

Состояния нет дрянней,
Даже веки поднять нет мочи,
Утро вечера мудреней,
Но не после безумной ночи.

~

Как радостно цветенье майское,
Но настроенье всё же гадское.
Житьё наступит, может, райское,
Но ведь терпенье нужно адское.

~

И погрязшие во блуде,
И поющие псалмы,
Кто мы всё же, Божьи люди
Или вновь рабы не мы?

~

Уже остались только пни,
Нет дерева на крест,
Но крик: «Распни его! Распни!»
Ещё звучит окрест.

~

Чем выше человек стоит по чину,
Тем больше склонен призывать к почину.
А то, что для почина нет причин,
Ни капли не волнует этот чин.

~

С колоссом что за интерес
Вступать в открытый бой,
Ему придайте больший вес,
И рухнет сам собой.

~

Конечно же, каждый живёт, как умеет,
И сытый голодного не разумеет.
Голодные, сытыми стать норовя,
Таким неразумным «пуцают кровя».

~

Всего одна затяжка,
И жить не так уж тяжко,
И не осилить тягу
К повторному затягу.

~

Как друга, полюби врага —
Звучит совсем не ново,
Но не пойму я, на фига
Тогда два разных слова.

~

Себе возьмите на заметку —
Чтоб не скудеть своим умишком,
Светильник разума в розетку
Включать не надо часто слишком.

~

Похожи с вами мы во всём,
Различье только в том,
Что вы едите за столом,
А мы за ним живём.

~

Эти рады, что смогли продаться,
Те довольны, что смогли купить.
И куда ж мне, бедному, податься,
К Богу возопить или запитать?

~

*...много в ней лесов, полей и рек.
(строчка из песни)*

На Земле людей уже несметно.
Нет на всех лесов, полей и рек.
Всё же верит смертный человек
В то, что человечество бессмертно.

~

Грядущий день всегда загадка,
Предчувствую, что будет гадко,
Хотя казалось бы, что гаже,
Чем нынче, не бывает даже.

~

Что-то тяжесть никак не снимет,
Словно гиря давит в два пуда.
Неприятности — бог бы с ними,
Неприятели — вот что худо.

~

Похоже, человек таков,
Сльвёт он властелином мира,
Но без болезненных пинков
Не чувствует ориентира.

~

Помяните добрым словом
Даже тех, кто сделал зло вам.
Вас сочтут вполне нормальным...
За обедом поминальным.

И жена пугает срывом,
И башка пугает взрывом,
И ещё страшает жутко
Эта язва из желудка.

Может, у других судьба иная,
Я же у своей судьбы в плену.
Нынче день вчерашний проклиная,
Я на завтра нынешний клянущу.

Что толку в гневе прыгать к потолку,
Бранить, клеймить, своё долдонить тупо.
Я лучше в ступе воду потолку,
По крайней мере, чище будет ступа.

п

Чем речи горячей,
Тем тяжелей ожоги.
От пламенных речей
Нам унести бы ноги.

п

Страшней тюрьмы, страшней сумы,
Страшней, чем в сердце нож,
Когда считаем правдой мы
Чужую чью-то ложь.

п

Пот утираю со лба,
Трудно даются решения.
Видимо, вера слаба
И велики прегрешения.

и

Господня это западня
Или ловушка чёртова
Поймала всё-таки меня,
Прожжённого и тёртого.

и

От устоев жизненных устав,
Не спеши расшатывать устои,
Это всё занятие пустое,
Есть всему и время, и устав.

и

Навсегда или пока
Так устроена природа –
Правда, как полынь, горька,
А неправда слаще мёда.

n

Не торопись вершить свой суд
С таким горячим пылом,
А если ощущаешь зуд,
Помойся лучше с мылом.

n

Одолел преграду
И, конечно, рад.
Но за ней в награду
Новых тьма преград.

n

Неисчислимы беды.
А может, подделом?
Добром зовём победы,
Одержанные злом.

Слова опережают словари.
Звучат они всё больше иностранно,
И это объяснимо и не странно,
Но всё ж обидно, что ни говори.

Тут ни убавить, ни прибавить,
Такая в нас бушует страсть.
Кого травили, будем славить,
Кого превозносили — клясть.

С детства лжи хлебнули слишком
И впитали этот яд.
Верим не тому, что слышим,
А тому, о чём молчат.

~

Если вкратце,
Тяжко, братцы.

~

Занесли в святые лики
Тех, что замели улики.

~

Беда не в том, что в доме скудно,
А в том, что на душе паскудно.

~

С рожденья влип я в эту лажу
И до сих пор ещё вылажу.

~

Кто был никем, тот станет всем
Внушать, что он не тот совсем.

~

В ответ на вести всей палитры
У нас от двести до пол-литры.

~

Нет ничего страшней гримасы
Бунтующей народной массы.

~

Не подобает вашей личности
Творить такие неприличности.

~

Преуспел в громадности хищений
И внимает хору восхищений.

~

Слишком много крика,
Знать, слабеет клика.

~

Опять не видно впереди ни зги,
Но не глаза виновны, а мозги.

~

Нет большего безумия,
Чем в мавзолее мумия.

~

Неужто в силе эта гнусь,
И перед нею я согнусь?

~

Вместо того, чтобы злиться и злить,
Надо быстрее по новой разлить.

~

Подпись взять у этой личности
Невозможно без наличности.

~

На борт один бежим какого хрена,
Не выдержит корабль такого крена.

n

Иль со щитом, иль на щите.
Со счётом или в нищете.

n

Терпеть я не могу любые «измы»,
Но исключенье делаю для клизмы.

n

Всё и для всех — идея хороша.
В итоге никому и ни шиша.

n

Пропахла страна моя рыночным духом,
Раздолье зелёным и баксам, и мухам.

п

Ни знамени, ни знамения,
И мучат опять сомнения.

п

Его послушать, так в утробе
Он был уже в рабочей робе.

п

За прошлое стыдно, но много стыдней
За эти же глупости будущих дней.

п

Что-то есть от тати
В этом депутате.

~

Тащусь от молодецкой стати.
Я с нею встретился некстати.

~

Всюду мерзко — в дерьме и в тюрьме
И в житейской сплошной кутерьме.

~

**Навиделся характеров стальных
И остеречь хотел бы остальных.**

~

Сатанеют орды,
Так и жди беды.
Чем страшнее морды,
Тем тесней ряды.

~

Всё про дух ты да про дух ты,
Только дух-то во плоти —
Просит есть, а за продукты
Всё дороже, блин, плати.

~

Гляжу на того, кто безгрешен, —
Он набожный, добрый и скромный.
Но вновь нечестивый успешен
И власти достиг вероломный.

~

**Другого короля другая свита
Играет. Но всегда одна картина.
Из подлости и лжи всё так же свита
Придворных отношений паутина.**

~

Я прочитал такую строчку!
Что сделала она со мной?
В конце строки увидел точку,
Похожую на шар Земной.

~

Не знаю, верно ли постиг
Я это качество природы.
Зло торжествует в тот же миг,
Добру же требуются годы.

~

Как глупо просчитался я,
Так худо мне, хоть плач.
Желаю мужества, друзья,
Вам после неудач.

~

Железною была рука,
Могучей правила державой
И думала, что на века,
Что никогда не будет ржавой.

~

Прогресс велик, но вот досада —
В добре нас меньше, чем во зле.
Дождёмся ль райского мы сада
Не в небесах, а на Земле?

~

Пора вранья настала,
Враньё и там и тут.
За правду платят мало,
За правду чаще бьют.

n

В беспощадном мире, плачь-не плачь,
Что ни победитель, то палач.

n

Снова запах с родных берегов,
Снова мучаюсь непониманием,
Почему засиранье мозгов
Называется их промыванием?

n

Это чаянья народа —
Братство, равенство, свобода.
Сбудутся ли чаянья?
Или вновь отчаянье?

Как сводит этот мир с ума
Всесильный звон монет.
Недорасследованных тьма,
А невиновных нет.

Число убитых с каждым разом
Всё больше по его приказам.
Кончал бы ястребом кружить
И приказал нам долго жить.

Слабеет, может быть, рука,
И чувствуется брэнность плоти,
Но разум всё ещё в полёте,
И вот, пожалуйста, строка.

~

Нам надо пить и надо есть
С рожденья до последней даты,
И размышлять, а кто мы есть,
Когда наеты и поддаты.

~

Народ в два счёта оглушить
Всегда способна клика.
Одних хвалить, других лупить
От мала до велика.

~

В бездарной суматохе дней
Всё, что ни есть вокруг, немило.
Земля — одна на всех могила,
И небо — памятник над ней.

~

Куда ни глянь, повсюду хрень.
Земля вокруг горит огнём,
И хочется, чтоб этот день
Скорее стал вчерашним днём.

~

Хотел бы я увидеть Бога,
При этом не простясь с Землёй,
А нет так нет, пусть будет много
Счастливых лет с моей семьёй.

~

...И что угодно было Богу
Запечатлеть в моём мозгу?
Пытаюсь вникнуть понемногу,
Но мало что, увы, могу.

и

Всесильный Бог, Творец наш и Господь,
По телу циркулирующий с кровью,
Питающий живую нашу плоть,
Он к почестям привык и славословью.

Он здесь и там. Он весь объемлет мир.
Он Землю наполняет чудесами.
Единый Бог, властитель и кумир,
Он может всё, но только вместе с нами.

The image features a complex, abstract background composed of various geometric shapes and textures. A prominent feature is a large, dark, diamond-shaped area in the center, which is surrounded by a pattern of fine, parallel lines that create a sense of depth and movement. The overall color palette is monochromatic, using shades of black, white, and gray. In the center of the image, there is a white rectangular area that contains the text "Если вразуме...".

Если вразуме...

Не стоит о себе подобных
В деталях выяснять подробных.
Они, как ты, под зорким оком
Всегда дерьмо каким-то боком.

~

Мы твари особого рода,
Судьбу мы творим свою сами.
В нас насмерть схлестнулась природа
С Божественными чудесами.

~

Хотел всё знать, но не училось,
Хотел сказать, но лишь мычалось.
Жизнь — это то, что получилось
Взамен того, что намечалось.

~

**Всё раздоры повсеместные.
Что ни вести, то печальные.
Где они, кристально честные?
Всё безнравственно кристальные.**

~

Дно, оно бывает лишь одно,
И скатиться можно за минуты.
А вершины, их немало, но
Жизни не хватает на маршруты.

~

Симметрии в подлунном мире нет,
И доказать легко могу я это.
На ненависть нам ненависть в ответ,
А на любовь любовью нет ответа.

Создатель нас воспитывает строго.
Отец небесный, детям Он не враг.
К вершинам духа долгая дорога,
А до греха один лишь только шаг.

**Не смотрю я на людей с укором.
Их судить не мне, а небесам.
Там «как все» не оправдаться хором,
Каждый за себя ответит сам.**

Ищу я всюду примирения
И верю мудрости Творца.
Не могут же венцы Творения
Друг с другом биться без конца?

Терроризм — зараза из зараз,
С нею нам не справиться за раз.
Если не придумаем лекарство,
Ждёт нас, неразумных, Божье царство.

Без компромиссов дело дрянь.
Но есть уступкам нашим грань.
А переступишь эту грань,
И станет больше дело дрянь.

**Мне эту истину, природа,
В тебе увидеть повезло —
Добро не знает антипода,
А бьются зло и антизло.**

~

Одной из звёзд светило наше стало,
Земля из плоской превратилась в шар.
Вот только люди изменились мало —
Сражений не кончается кошмар.

~

Ещё мы дики и жестоки,
Ещё не впрок идут уроки,
Но вижу ауру Вселенной
Над головою нашей тленной.

~

В прошлом всё повторялось стократ,
Но живём, будто прошлого нет,
И смеёмся, не веря в закат,
И рыдаем, не веря в рассвет.

Не устаём мы думать и гадать,
Что делать человеческому роду,
Как одолеть ему свою природу,
С которой несовместна благодать.

В человеке странная начинка,
Он, скорей, не личность, а личинка,
И в личинке этой, не спеша,
Зреет для иных миров душа.

От места, где сейчас мы есть,
До места, где мы быть мечтали,
Такие пролегают дали,
Что нам ни вёрст, ни миль не счесть.

n

Невыносимо иго это,
Его мне ненавистен плен,
Но, к сожаленью, для побега
Одна лишь есть возможность — тлен.

n

Есть у познания граница,
Но с этим как ему смириться.
И верещит из плоти брэнной,
Что разберётся со Вселенной.

n

Удача улыбнётся нам,
И мир прекрасен здесь и там.
А через призму неудачи
Мир видится совсем иначе.

~

Удача — миг, а неудача — век,
Но мудрости мы доверяем редко,
И, как безумный, молит человек,
Чтоб в этот раз не подвела рулетка.

~

Убеждаюсь не без грусти,
Нас и впрямь нашли в капусте.
Так сегодня люди редки,
У которых были предки.

~

Колотимся в искусстве и в науке,
Лелеем в тайне дел своих значенье,
Но в старости у нас есть только внуки,
Чтоб наше оправдать предназначенье.

~

Когда хочу похвастать, говоря,
Что не напрасно жил на белом свете,
То добавляю — потому не зря,
Что вижу, как живут достойно дети.

~

На слово верить не годится,
Проверено за много лет.
Не в деньгах счастье? Убедиться
Хотел бы я, да шансов нет.

~

Склонюсь пред мудростью во власти.
Смирюсь, что делать, с властью денег.
Но упаси нас от напасти,
Чтоб нами правил неврастеник.

Как рассудить с умом,
Где место для житья?
Найди в себе самом —
Себе ответил я.

Себя иллюзией мы тешим,
Что не напрасно мельтешим,
Что всё познаем, всё решим,
Но только Господа потешим.

Когда и всё и вся прощается,
То жизнь, конечно, упрощается.
Но это редкий Божий дар
Держать с улыбкою удар.

n

Словоохотливым и шумным
Быть в разговоре не к лицу.
Стремление казаться умным
Обычно свойственно глупцу.

n

Когда хочу амбиции умерить,
Своё с чужим пытаюсь соизмерить,
И в результате этих измерений
Веду себя спокойней и смиренней.

n

Прислушиваюсь к разным голосам
И опыт человеческий вбираю.
И не понять мне часто, где я сам,
А где опять кого-нибудь играю.

Я уверен, что мои друзья
Ощущают собственное «я»,
Но волнует больше их умы
Ощущенье собственного «мы».

Если ты в борьбе со сплетней
Претендуешь на успех,
Опыт есть тысячелетний —
Подними её на смех.

**Ни один вопрос не прояснится,
Если не отпустит поясница.**

~

Как не пойматься глупым рыбам,
Когда червяк с таким изгибом.

~

Звезда моя, ты не погасла
И всё ещё ведёшь меня,
Есть в голове немного масла
Для поддержания огня.

~

Хоть птица счастья непроста,
Зовётся птицей не напрасно,
За хвост её хватать опасно —
Уделает из-под хвоста.

~

Пора амбиции оставить,
Не льстить себе на все лады,
А осознать и сопоставить
Тобой возвращённые плоды.

~

**Зачем себя спокойствия лишать
И даже доводить до исступления.
Проблем полно, и надо их решать,
Но только лишь по мере поступления.**

~

Поднимали истину из тины,
Проявив усердие своё,
И добились всё-таки кретины —
Сделали поверхностной её.

~

Как мутное и кислое брожение
Рождает благородство аромата,
Так смутное ещё воображение
Рождает человека из примата.

~

Душа моя, ты, как жокей,
То на коне, то наземь снова.
Один пустяк – и всё о'кей,
Другой пустяк – и всё хреново.

~

По пути прогресса белый свет
Мчит вперёд, не соблюдая правил.
Как бы он не улетел в кювет
И на свет иной нас не отправил.

Людей полно паскудных, мерзких, низких,
Им оттенять достоинство и честь.
Всё в общем так. Ну, есть они и есть.
Но вот беда — среди родных и близких.

Весь день пытаюсь половчей
Я уходить от мелочей,
И признаю на склоне дня,
Что мелочи ловчей меня.

Из сплетен сплетены все наши речи,
Плести мы научились их на диво,
Настолько получается правдиво,
Что истине не верим мы при встрече.

~

Копать в себе, конечно, надо,
Искать себя в себе самом,
Но будь готов, что вместо клада
Всё ограничится дерьмом.

~

На русском, английском, арабском,
Французском, немецком, иврите
Молю вас в смирении рабском —
Не врите, не врите, не врите.

~

Слова, что в сердце, не слова,
Но ими сердце живо,
А что глаголит голова,
Умно, но часто лживо.

Не рождается истина в споре,
Спор ведёт неминуемо к соре,
А бывает, и к драке, и к бою.
Спорить надо, но только с собою.

Я тешусь мыслью сокровенной,
Ничтожным телом ощущаю,
Что я огромнее Вселенной,
Поскольку я её вмещаю.

Высоты высот и глубины глубин
Не может постичь человек ни один.
Но как они манят, красоты красот
В глубинах глубин и в высотах высот!

~

В клетках тела душа нетленная,
Словно горлица, бьётся в кровь.
Из неё исходит Вселенная
И в неё же сходится вновь.

~

Где-то в подсознании глубоком
Сохраняю верность чудесам,
Но они меня обходят боком
Или я хожу к ним боком сам.

~

После смерти вещи интересные
Происходят, если верить, сходу:
Улетают души бестелесные,
А концы и всё другое — в воду.

Я, как все до меня и за мной,
В окружающей сгину среде.
Тело в тверди исчезнет земной,
А душа растворится в воде.

Мои понятия, может, странны,
Но отвергать их не спеши.
Я думаю, что океаны —
Аккумуляторы души.

События — моменты бытия.
И мирные они, и боевые,
И личные они, и мировые,
И в них моё неведомое Я.

~

Как приподняться над собой,
В самом себе увидеть сбой,
Сказать себе покрепче слово
И на себя спуститься снова.

~

Всё просто, как двоичный бит,
Но нелегко решить задачу.
Самоуверен — будешь бит,
В себе уверен — жди удачу.

~

Реальность из простейших «да» и «нет».
Какое чудо этот Интернет.
Там двойники не во плоти, а в битах,
И нет по-настоящему убитых.

По сути дела, мало что на свете
Меняется с течением веков.
Придумали компьютерные сети
И ловят в них всё тех же простаков.

Сердце никогда не ноет,
Не бывает пульс неровный.
Это робот-гуманойд,
Беспощадный и бескровный.

Болтаемся, как два ведра,
На чьём-то коромысле.
Природа и без нас мудра,
Зачем ей наши мысли.

n

Я учусь себя вести,
Мудрым словом мучаю.
Зависть может завести
В ненависть дремучую.

n

Шуты и выпивохи,
Мне ваша роль ясна.
Вы соль любой эпохи,
Без вас она пресна.

n

Беспечный прожигатель зим и лет,
Гуляка праздный и трепач отпетый,
Ужели в самом деле ты просвет
В озлобленной и мрачной жизни этой.

Чтоб недругов не ополчилось воинство
И чтоб с друзьями было всё в порядке,
Ты лучше грубо пальцем тычь в достоинства,
Чем мягко намекай на недостатки.

Цветок благоухал не даром,
Но расцветал он не для вас,
Не для могильных ваших ваз —
Для пчёл, летящих за нектаром.

От тоски в тисках виски.
Тяжки охи-вздохи.
Ну, а строки от тоски
Правда ведь, неплохи?

~

Одарил бы кто наследством,
Не считал бы я гроши.
Хорошо житьё по средствам,
Если средства хороши!

~

Как вырос золотой телец —
Красавец бык с рогами-дугами,
С былыми справился недугами
И правит балом наконец.

А этот, искра Божья в ком,
Корпит с немалыми потугами,
Затрахан жизнью и подругами
И напрочь ослеплён быком.

Улыбки здесь о всех зубах,
И взгляды здесь без злости,
И нет в помине злых собак,
А вот не ходят гости.

Здесь опасно верить сердцу,
Крик души, как звук пустой.
Отворит любую дверцу
Только ключик золотой.

Всюду мани, мани, мани,
В песне, в фильме и в романе,
И в дурмане, и в обмане,
Вот найти бы их в кармане.

~

Стоял я около шедевра.
Его понять мне не дано.
В итоге понял лишь одно,
Что стоит очень много евро.

~

Не стоит спорить и рядиться,
Красу найдёшь в краю любом.
Нам просто повезло родиться
На нашем шаре голубом.

~

**Убийство грех великий есть,
Но всемеро грешнее мечь.
Нельзя забыть об этом правиле,
Как ни взывают к мести авели.**

Я в прошлом был нередко пошлым
И тупо на своём стоящим,
Но, память сохранив о прошлом,
Живу я всё же настоящим.

За то, что есть, держусь я крепко,
Тому, что будет, доверяю.
Я воле волн себя вверяю,
И всё же не плыву, как щепка.

*Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя...*

А. С. Пушкин

Наш век, конечно же, измерен,
Но, как всегда, погрешность есть.
И если жизнь продлить намерен,
Кончай без меры пить и есть.

~

Рожаем в муках, трудимся в поту,
И жизни смысл волнует наши мысли.
А есть ли мы в ином каком-то смысле?
Рожаем в муках, трудимся в поту.

~

Когда умён, успешно дело,
Когда силён, не будешь бит,
Но только мудрые умело
Справляются с тобою, быт.

~

- Зачем родился?
- Не ко мне вопрос.
- Как жить?
- И душу ублажать, и тело.
- А ежели не в шутку, а всерьёз?
- Всерьёз? Шутить и честно делать дело.

~

Тик-так, тик-так. Ты был — ты стал.
Ты был — ты стал. Тик-так, тик-так.
Ещё меняться не устал
И радуюсь, что это так.

~

Почтенный возраст. Стало быть, почтенье.
Но не ему отдал бы предпочтенье.
Немного грустно, что отныне нет
Моих минувших пред-почтенных лет.

~

Время с шага перешло на бег.
Вот уже и мчится нешутейно.
Это вам не формула Эйнштейна.
Это жизнь. Стареет человек.

~

Прожить — это надо суметь,
На то голова нам и руки,
А сердце нам надо иметь,
Способное выдержать муки.

~

Последний круг. Последние уроки.
Последний, пусть нескорым будет, срок.
Напишем жизнерадостные строки,
А что не так, оставим между строк.

~

У мудрых старцев на лице
Всегда величие в печали,
Печальна жизнь в своём конце,
Печален мир в своём начале.

Хотел бы дней своих остатки
Прожить достойно и в достатке.
Но если честно и без фальши,
Пошли Ты эти дни подальше.

Умчусь я скоро вдаль
От тех, кого люблю,
И вечности печаль
В глазах своих ловлю.

Век долгий не награда,
Скорей, похож на месть,
Когда тебя не надо,
А ты всё есть и есть.

~

Как наши доводы смешны,
Как наши выводы поспешны.
И даже если мы грешны,
То думаем, что мы безгрешны.

~

Доживши до седин,
В неистовстве своём
Он был всегда один,
Но никогда — нулём.

~

Весомы знания и талант,
Но записал бы я в анналы —
Ковчег построил дилетант,
«Титаник» — профессионалы.

Понятно мне, о чём журчит ручей.
Что шепчут листья, понимаю тоже.
Но смысла человеческих речей
Не в силах я понять всё чаще, Боже.

Владею словом и числом,
Всё объясняю без умолку
По многу раз, хоть мало толку.
Сльву упрямым я ослом.

Мечтам наивным вышел срок,
Но иногда во сне летаю
И размышления вплетаю
В ряды рифмующихся строк.

n

Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!
Гёте «Фауст»

Остановись, прекрасное мгновенье!
А может, есть прекрасней, чем оно?
В тугом узле и мненье, и сомненье,
И нам распутать узел не дано.

n

**Я с Вашим несогласием согласен,
И этот между нами спор напрасен.
Хочу, чтоб Вы, меня низвергнуть сиясь,
С моим бы несогласьем согласились.**

n

Взять религию иль природу —
И намёков нет на свободу.
Там лишь есть на неё намёки,
Где рождаются эти строки.

~

Каких бы ни касались тем
В своих дискуссиях таланты,
Не разрешат они проблем,
Но обозначат варианты.

~

То «нет» я говорю, то «да»,
Зависит от... Но, тем не менее,
Я опровергну без труда
Любое собственное мнение.

~

Избранные были плохи,
Но избрали их не лохи.
Этих избранных избрали
Те, что не голосовали.

~

Река струится, как строка.
Лес перевозданно тих.
И нет покоя мне, пока
Молчит об этом стих.

~

Всё больше горя от ума,
Всё чаще правят бал невежи.
Великих достижений тьма,
А предрассудки в нас всё те же.

~

Немало друзей и знакомых
Сегодня слывёт в богачах.
Всё чаще каминьы в хоромах,
Всё реже семейный очаг.

На Земле людей всё гуще,
Всё страшней накал борьбы.
То ль тупые всемогущи,
То ли умные слабы?

Сто поводов для ваших «нет»,
И только лишь когда
Подскажет сердце вам ответ,
Тогда скажите «да».

Ни землетрясения, ни цунами,
Ни кометы, Боже сохрани,
Не пугают так меня они,
Как раздоры вечные меж нами.

~

Речей захлёстывает море,
Захлёбывается народ.
Кто правду говорит, кто врёт?
Кого избрать себе на горе?

~

Не всё я сам в себе могу понять.
Не все поступки делают мне честь.
Но вас прошу, как есть, меня принять
И даже полюбить меня, как есть.

~

Звёзды гаснут, планеты слетают с орбит,
Но душа не по этой причине скорбит.
Что Вселенная мне, если рядом со мной
Мира нет меж людьми на орбите земной.

п

Человек — это звучит гордо!
М. Горький

**Человек — звучит общо,
Кем-то надо быть ещё.**

п

**Это банальная вечная ложь,
Что справедливым бывает делёж.**

п

**Люди бывают такими скотами,
Что воют собаки в обнимку с котами.**

п

**Мы жить привыкли, власть ругая,
Всегда нам лучше власть другая.**

~

С него однажды сбили спесь,
И он исчез почти что весь.

~

Все имеют право на пороки —
Люди, боги. Только не пророки.

~

Смешно винить змею за яд и жало,
Лишь только бы судьба нас не сближала.

~

Если кто-то кое-где у нас порой,
То заступников слетится целый рой.

и

Святое в нас живёт на самом деле, но
Пока от наших дел оно отделено.

и

И правду говорите вроде вы
Но недостаточно юродивы.

и

Я думаю, в порыве искупления
Не стоит доходить до оскопления.

и

Насколько легковесно обещание,
Настолько же весомо обнищание.

~

Не делать или делать — вот кручина.
На то и на другое есть причина.

~

На фронтоне имя человека.
Кто же он?
Бессмертный автор... чека!

~

Если что-то очень сложно,
Значит, это что-то — ложно.

~

*Когда б вы знали, из какого сора..
А. Ахматова*

Когда б вы знали, из какогохлама,
Не ведая стыда, растёт реклама.

~

Хотел погреться рядом с ним Пегас,
Но в нём огонь уже давно погас.

~

Ты не всеильный, а посыльный,
Вот и верши свой труд посильный.

~

Разумностью и чуткостью кичимся,
А друг до друга всё не докричимся.

~

Слов много умных говорим,
А следом глупости творим.

~

Любые позволительны химеры,
Когда не лишены мы чувства меры.

~

**Я личности готов признать любого рода,
Но две в одном лице – страшнее нет уroda.**

~

Дай Бог, чтоб так его любили,
Как любит он автомобили.

~

Хотел забраться на Парнас,
Но тесно там уже без нас.

~

**От образа нам трудно отказаться,
Которым очень хочется казаться.**

~

Раздвоенья не приемлю —
Либо в небо, либо в землю.

~

Голосить не надо всеу,
Делай выбор, голосуя.

~

Нам достаётся поделом —
Добро мы путаем со злом.

~

Чесали б языки, не открывая рот,
Жизнь приняла другой бы оборот.

~

Какое быть должно терпение,
Чтоб выдержать такое пение?

~

Хочешь жить, умей вертеться.
Поговорка

Мог бы смело поручиться —
Хочешь жить, умей учиться.

~

Приятно людям слушать лесть,
И с правдой к ним не надо лезть.

~

Странные в нас появились привычки —
Помним цитаты, не помним кавычки.

~

Скрывая мысли, в тайне их храни,
Но дай понять, что всё же есть они.

~

Узнал поближе — столько фальши,
Что хочется послать подальше.

~

История выглядит неопрятно —
На чёрных страницах белые пятна.

~

Вчерашними заслугами гордиться
Сегодня можно, завтра — не годится.

~

Поликуйте от удачи пару дней
И беритесь за задачи потрудней.

~

Когда нам не по нраву чьи-то нравы,
Во времени своём мы только правы.

~

**За какие ни сбежишь рубежи —
Лицемерие, обман, грабежи.**

Верить буду, друзья, до последнего дня
В то, что старость значительно старше меня.

Прогресса радуют плоды,
Но всё ж, о будущем боля,
Боюсь, никто на зов беды
Не оторвётся от дисплея.

Позатерялись, братцы, где мы?
Вкусив познания плоды,
Вернёмся ли в сады Эдема,
Иль заросли туда следы?

~

Справедливости воители,
Вы подвижники. И всё ж —
Побеждают победители,
А не правда и не ложь.

~

Поклажею измучен,
Ты тащишься с трудом.
Не хочешь быть навьючен,
Не будь тогда ослом.

~

Ждут бедные бесплатной манны.
Бандитам в кайф, что мы гуманны.
Густой туман над океаном.
Неужто сгинем в окаянном?

Пусть волнуется сердце, штормит иногда.
Без волнения сердца годимся на что мы?
Штиль на море хорош, а на сердце — беда.
Пусть волнуется сердце и выдержит штормы.

**Способности немалые в наличии,
Но самолюбованием дышит речь,
И хочется его предостеречь —
Не захлебнитесь в собственном величии.**

Придёт ли, наконец, минута та:
Разгневался — и тут же немота.

~

У эрудитов ссылки сплошь,
Ни шагу без авторитета.
Цитаты блеск, и та и эта,
И в каждой правда есть и ложь.

~

Солнце на ночь отлучится,
А к утру опять взойдёт.
Знать бы, что ещё случится,
Что ещё произойдёт.

~

Никогда бы, мать-природа,
На тебя не бросил тень.
Но жена мужского рода —
Это что за хренотень?

~

Я эту Божью идею
Понять возможности лишён —
Опять поют хвалу злодею,
А праведник, увы, смешон.

~

Искусство не сравнится никогда,
Как вдохновенно мы б ни воспарили,
Со всем, что солнце, ветер и вода
На маленькой планете сотворили.

~

Как их намеренья благи,
Рабов непримененья силы.
Как обожают их враги
И роют им, смеясь, могилы.

~

Не пишу я тебе отныне.
Ты, как есть, мне явился весь.
Смесь невежества и гордыни —
Нет ужасней, чем эта смесь.

~

Паниковать не надо в страхе.
Откуда безысходность, друг?
Ведь даже голова на плахе
Лежит и думает: «А вдруг?»

~

Цикуту выпить вынужден Сократ.
Опасно быть умнее во сто крат.
Смутишь людей в их фанатичной вере,
Приговорят немедля к высшей мере.

~

Мне тупость свою ощущать не впервой.
Понять безуспешно пытался —
Овечка в Эдеме питалась травой,
А волк чем в Эдеме питался?

~

Разумными слывём необычайно,
Но как ни удивителен прогресс,
Жизнь не твоя — неведомая тайна,
А собственная — чудо из чудес.

~

**Как нелегко от пресса прессы,
Депрессия от новостей.
То насмерть бьются интересы,
То бешеный накал страстей.**

~

Свалившаяся вдруг беда
Немногословна, как всегда.
А радость, это ли неверно,
Словоохотлива чрезмерно.

~

Таким жестоковым он рождён —
Проигрывал, но не был побеждён.

~

Как мы живём? Так и живём.
По невозможному вздыхаем,
И так морально устаём,
Что аморально отдыхаем.

Изумился изречению,
К нам пришедшему с Востока –
У плывущих по течению
Шансов нет достичь истока.

Воображенье ежели напрячь,
Что в атоме ядро с футбольный мяч,
Тогда на километры удалён
С горошину размером электрон.
Первоосновы мира непросты –
Чуть Вещества и бездна Пустоты.

О прошлом по статьям и книгам
Мы судим, сиясь вникнуть в суть.
Всё то, что было, не вернуть,
Но вывернуть, так это мигом.

n

Играют дети, а актёр,
Он не играет, как ни странно,
А так восходит на костёр,
Как будто он и есть Джордано.

n

Когда врага не иссякает злоба,
И права жить готов он нас лишить,
Есть путь один проблему с ним решить —
Ударом кулака по крышке гроба.

n

*Что, по-твоему, лучше —
пшеница или хлеб?
Рабби Акива*

Не нами создана пшеница,
Но нам дарована судьба
До часа смертного трудиться
И печь без устали хлеба.

~

Переживать по мелочам,
Не спать подолгу по ночам —
Что это суета сует,
От пониманья толку нет.

~

Когда вы гневом праведным полны,
То не спешите волю дать словам,
А выйдя из себя, со стороны
Взгляните на себя. И как вы вам?

~

Ужель наготы нам стыдиться не надо?
И чем же тогда мы отличны от стада?

~

Сколько их, трудившихся по-чёрному,
Безымянных рыцарей науки.
Верю, Неизвестному учёному
Монумент воздвигнут наши руки.

~

Друг друга загоняем в страх,
Кричим — Ха-Шем, Христос, Аллах.
А поразмыслить хоть немного,
Три версии того же Бога.

~

Не для разрешений и запретов
Бог придуман. Люди к ним глухи.
Нужен Он, чтоб отпускать грехи
И, конечно, вдохновлять поэтов.

На фильм «Танго Рашиевского»

Будь ты конфессии любой,
Любого звания и ранга,
Не торопись кидаться в бой,
Станцуй Божественное танго.

На фильм «Солнечный удар»

Как кипит он в гневе яром —
Вот оно откуда, горе!
Под жидовкой и мадьяром,
Как в гипнозе, наш Егорий.

Исламу всё никак неймётся,
За халифат всемирный бьётся.
Быть может, сгинут бредни эти,
Как коммунизм на всей планете.

~

Про всё прочесть могу везде.
Сто версий есть. А правда где?

~

Не кажется ли это вам,
По меньшей мере, непочтенным —
Скот исчислять по головам,
А вот правительство — по членам.

~

**Разберёмся с вирусами новыми,
У микробов выиграем бой.
Только что нам делать со здоровыми,
Чтоб умели ладить меж собой.**

~

Признаться если честно — не орёл,
Но сила есть, и мужество обрёл.
Себя ругаю всё же, дурака,
Что мудрость не всегда со мной пока.

~

**Как много слов звучит умно,
Красиво и возвышенно.
Всё сказано давным-давно,
Да только кем услышано.**

Александр Метелица

ДВЕ, НО ПЛАМЕННЫЕ СТРАСТИ

(из предисловия к первой книге)

Я плохо разбираюсь в делах, в которых чувствует себя, как рыба в воде, доктор технических наук, профессор Юрий Солодкин. Точнее сказать, совсем не разбираюсь. Тем загадочнее для меня и таинственней этот его мир и тем непонятнее, как могут в одном человеке сочетаться две как будто противоположные страсти — физика и лирика...

Что касается стихов, то мне хотелось бы отметить их своеобразие и самобытность, чётко улавливаемую оригинальную интонацию. Это прежде всего относится к небольшим, в четыре или даже в две строки, миниатюрам.. Они написаны с явным наслаждением и вкусом. При том, что сочинение их, «придумывание» требует необычного вдохновения, ибо тут необходимо не только поэтическое озарение, но и буквально «математический» расчёт, законченный, как формула, как теорема.

*Не по любви все люди братья,
Их ненависть теснее сплачивает.
Раскинешь руки для объятий,
И тут же гвозди в них вколачивают.*

Или

*Что имеем в сухом остатке,
Если взять человечесий род?
Недостатки всегда в достатке,
А достоинств недостаёт.*

Сложные чувства возникают при чтении коротеньких стихов Ю. Солодкина. Прямо-таки удручает сознание того, что всё так и есть, как он пишет, что такова жизненная круговерть, которой не видно конца.

*Кто, не потя, стал богат,
Тот на Руси последний гад.
А стать, потя, богачом
Здесь не удастся нипочём.*

Короткая, мгновенная, как удар рапиры, горестная и точная фраза:

*Это банальная вечная ложь,
Что справедливым бывает делёж.*

А вот как обернулась строка из некогда всесоюзного и до сих пор мирового гимна коммунистов:

*Кто был никем, тот станет всем
Внушать, что он не тот совсем.*

Эти остроумные и юморные стихотворные пассажи можно без конца цитировать. Правда, при внимательном чтении ты вскоре понимаешь, что за шутливой интонацией и удачной каламбурностью обнаруживается грустное восприятие действительности, от которого никогда не уйти, если видеть жизнь такой, какая она есть...

Олег Постнов

ЗАГАДКИ МНОГОЛИКОЙ ИСТИНЫ
(послесловие к «Библейским поэмам»)

Л ежащая перед читателем новая книга Ю. Н. Солодкина продолжает одно из направлений его поэтического творчества, возникшее несколько лет назад и постепенно передвинувшееся от периферии к центру, сделавшееся — на сегодняшний день — основным. Речь идет о создании поэтом своеобразного стихотворного пересказа-толкования Библии, замысла, который в своём воплощении настолько отличается от предыдущих сборников стихотворений Ю. Солодкина и в то же время так тесно связан с ними, что, начиная разговор о нём, представляется необходимым хотя бы вскользь наметить глубинные закономерности и взаимосвязь прежних произведений поэта, а также вспомнить ряд тем и вопросов, поднятых или затронутых им в его прежних произведениях. Кажется уместным также сделать некоторые заключения, касающиеся особенностей поэтического мастерства автора, решившегося на такой ответственный шаг, как создание стихотворной параллели Библии.

Просматривая прежние поэтические сборники Юрия Солодкина, нетрудно заключить, что в основе его поэтики лежит стихотворный афоризм, часто построенный на игре слов и почти всегда шуточный. Следует сказать, что сам жанр стихотворного афоризма предельно лё-

гок для читателя, но предельно труден для поэта. Смех возникает там, где при минимальном использовании слов наличествует несколько параллельных смыслов, как бы встроенных друг в друга. Это касается афоризмов прозаических, для создания же стихотворного афоризма смысловой лаконизм должен быть отточен до предела, чтобы попасть в рамки размеров и рифм. Именно такой стихотворный афоризм и составляет основу поэтики Ю. Солодкина. Однако им ни поэтика, ни поэзия этого автора отнюдь не ограничивается, весомым подтверждением чему является как раз книга Библейских поэм. Однако благодаря афористичности слога стихотворная ткань его произведений делается особенно «густой», богатой смыслом и интересной, а чтение — легким и увлекательным.

В предисловии к одному из своих сборников автор с большой осторожностью и, пожалуй, чрезмерной скромностью писал, что его стихи — весёлые и, как ему кажется, остроумные. Это, безусловно, так и было, только и веселье, и остроумие не являлись уже и тогда конечной целью поэта. Он метил куда выше и дальше — и в результате добился самых неожиданных (для читателя) целей. Его афоризмы касались самых разных вопросов, но был среди них пласт стихов, посвящённых вопросам и парадоксам, возникающим на стыке взаимоотношений человека с чем-то или Кем-то, превосходящим его, с Богом. Возможно, именно эти стихотворения и явились преддверием «Библейских поэм», а выявленные ими истины — прологом к истолкованию Божественного откровения. Вот два примера. Согласно собственному его рассказу, всё началось с того, что он увидел

в слове «богатство» два других: «Бог» и «гадство». Не будучи филологом (а будучи физиком), он решил — и совершенно правильно решил, — что филологическая оценка в данном случае не важна. Если бы поэты придерживались лишь научно выверенных этимологий, то, вероятно, не возникло бы никогда ни игры слов, ни игры в слова, а ведь это и есть литература. С другой стороны, игра с этими тремя словами тотчас поставила Солодкина перед проблемой сосуществования в одном явлении противоположных свойств. Но к этому, в качестве физика, он был готов: кто же не знает о двуединой природе света и о принципе дополнительности, который и был придуман для того, чтобы адекватно описывать парадоксы. Потому во всех его книгах присутствует такое обилие парадоксов, которого не заметить нельзя.

И каждый раз обнаруживается еще и такой парадокс: большинство истин Солодкина мы знаем и без него. Но только с его помощью осознаём, что они — истины. И это бывает так же неожиданно (и смешно), как неожиданна и смешна развязка в удачном анекдоте.

Однако, помимо истин очевидных (но не всегда очами видных), автор этих необычных творений открыл и такие истины, на высоту понимания которых во все века поднимались лишь единицы. Он сам отлично осознаёт уровень своей удачи и прямо говорит об этом: «Мне эту истину, природа, / В тебе увидеть повезло — / Добро не знает антипода, / А бьются зло и антизло». Как заметил Солодкин по другому поводу, «...приятно находить поддержку у великих». О том, что добро действительно не противостоит злу,

а находится в иной плоскости бытия, великие писали не раз. У Пушкина это начальная строфа шуточной поэмы про царя Никиту: «...Не творил добра и зла, / И земля его цвела». У Гоголя — мрачное признание: «Грусть от того, что не видишь добра в добре». У Бердяева — философский трактат с подзаголовком «Опыт парадоксальной этики» и фразой Гоголя в качестве эпиграфа, ну и, разумеется, у Ницше — «По ту сторону добра и зла». Все они подразумевали — или говорили прямо, как Ницше и Бердяев, — что добром и злом этого мира всё не исчерпывается. Что здешнее добро не выдерживает этической критики. Что необходимо достигнуть иного состояния, того, в котором человек окажется перед лицом Бога, и где уже не будет никакой борьбы, поскольку там царствует настоящее Добро, а не «антизло», как, по своему обыкновению, метко и ёмко определил его Ю. Солодкин.

Итак, парадоксальная этика. Солодкин — моралист, его стихи имеют явную дидактическую направленность. Однако его мораль, а соответственно и дидактика — парадоксальны. Его очень легко уличить в противоречиях, но противоречия не разрушают, а укрепляют создаваемый им и образ мира, и образ человека в мире, а наконец и образ Бога, всё это сотворившего. Бог — как и любовь — *нелогичен*, вот, вероятно, главная истина, к которой вплотную подошел Солодкин. Человек прав не тогда, когда он себя ведет так или иначе (как бы он себя ни вёл), а когда согласен — или дерзает — препоручить водительство Богу. Без понимания этого факта не мог бы возникнуть цикл Библейских поэм, составивший новую его книгу

и, возможно, самый удивительный из всего, написанного до сих пор Солодкиным.

Начало Библейских поэм — лишь в какой-то мере пересказ (предельно лаконичный) Книги Бытия, первой книги Библии, или Брейшит, первой книги Торы. Нужно заметить, однако, что, при всей лаконичности, повествование выстроено умело и гладко, да к тому же движется одновременно в двух руслах-традициях: библейской и иудейской. Уже одно это порождает весьма важную неопределённость. Всякий текст, а этот в максимальной степени, не существует вне его толкования. Но толкования христиан и иудеев не только не совпадают — они буквально во всём противоречат друг другу. Этот, не им созданный, парадокс Солодкин использует умело и в своих целях: проскользнув между двумя полюсами, он находит (или создаёт) своё собственное понимание и толкование на свой лад изображенных событий Священной Истории. Яркий пример — его толкование Шестого Дня Творенья, стихи о сотворении человека, чему уделено девять из двенадцати строк. И каких строк! Автор не случайно признаётся, что их написание отняло у него особенно много сил и времени.

И в Библии, и в Торе Бог сотворил человека. Солодкин сходу ломает стереотип изложения и восприятия этого события: «Увидел Дух, идёт неплохо дело, / И можно начинать творить *меня*». Эта внезапная перемена грамматического третьего лица на первое — нечто большее, чем литературный приём. Это слом привычки, исчисляемой тысячелетиями, видеть всё со стороны, а не изнутри. Солодкин видит и показывает изнутри. *Человека* можно было создать безгрешным,

но *меня* — нет, никогда. *Я* — это вся сумма парадоксов, непримиримых полюсов души, стремлений, желаний, самоограничений, самоуничужений и самоуничтожений, агрессии вовне и агрессии извне. В этом всё дело: каждое *Я* знает о себе те горькие истины («...Правда, как полынь, горька...»), которые Солодкин уложил в последующие восемь строк. Потому-то мы не удивимся, не должны удивиться, встретив — в одной из его книг — риторический вопрос, подводящий черту под темой «человек»: «Беспечный прожигатель зим и лет, / Гуляка праздный и трепач отпетый, / Ужели в самом деле ты просвет / В озлобленной и мрачной жизни этой».

Вероятно, сказанное убедит любого, что прежние книги Солодкина — не сборники рифмованных шуток. Но есть опасность слишком стусить тени, забыть о животворящем юморе, пронизывающем каждую строку его произведений. И потому всякий, знакомый с его творчеством читатель вправе спросить, неужто же и впрямь всё творение увидено и изображено им столь пессимистическим образом? Разумеется, нет. Правда, нужно учесть, что по словам А. Блока, пессимистами и оптимистами бывают глупцы, тогда как умные знают, что бытие трагично. Юрий Солодкин знает это хорошо и отнюдь не понаслышке. Но и учитывая трагичность бытия, Солодкин даёт свой, неординарный ответ на вопрос о смысле и свойствах мира и человека. Среди Библейских поэм особенно явственно этот ответ звучит в истории об Иосифе Прекрасном.

Здесь прежде безликие зло и антизло обретают лица, живые образы. Читая поэму, невольно сравниваешь художественные и философ-

ские решения различных ситуаций этой истории с целой вереницей других изложений, начиная собственно с Библии и кончая Томасом Манном. В отличие от последнего, Солодкин не преуменьшает зло, совершённое Иосифом в отношении его братьев и не пытается как-либо его оправдать. Так же и антизло, братья, задумавшие вначале убить Иосифа, а затем продавшие его в рабство, выставлены во всей их грубости и злости, без всякого флера «священной мечтательности», который Томас Манн то и дело набрасывает на своих персонажей. В результате развязка конфликта трактуется Солодкиным в соответствии с его философией троичности: «то истину, то ложь... пуская в дело», Иосиф выводит из безнадежной войны зла с антизлом и себя, и братьев, и весь Израиль. И только тогда для всех них открывается третья сила, она-то и есть подлинное Добро. Р. Толкиен, автор знаменитого «Властелина колец», писал, что библейские истории соединяют реальность и легенду, делая реальностью легенду, но не останавливаясь на этом и продолжая рассказ до тех пор, пока обычное течение жизни не превратит легенду вновь в простую реальность. Судя по финалу этой части Библейских поэм, Солодкин стремится сделать нечто подобное: показать парадоксальную логику небес, не отрывая при этом захваченных её властью людей от земли. Но тут есть некоторая недоговоренность, поскольку Библейские поэмы историей Иосифа одновременно и закончены и не закончены — благодаря очередному блистательному парадоксу в двух последних строках: «На том кончается Брейшит, / Что есть Начало в переводе».

Заглянув в любую книгу Солодкина на любой странице, сразу скажешь, что автор остроумен. Перелистав и почитав там-сям, решишь, что он умён. Но сам он знает, что возможно большее, что ум — не предел совершенства. Довольно вспомнить следующие его строки:

*Был Ум глубок, был Ум велик,
Он Истины увидел лик
И ликовал, любуясь ликом.
Но если Мудрость нам дана,
То видит Истину она
В её величьи многоликом.*

Вот, оказывается, какова действительная — высокая и далёкая — цель автора. Достиг ли он её уже? Или стоит на пороге? Перейдём к следующей части Библейских поэм, озаглавленной «Моисей» и излагающей события Книги Исхода, а также в какой-то мере остальных книг Пятикнижия.

Мы вновь встречаем сочетание лаконичности с умелым повествованием, стилистические находки, новые шутки и игры слов, однако постепенно возникает чувство, что теперь они занимают автора в меньшей мере, чем прежде. Зато всё более выдвигается на первый план и захватывает внимание поразительная мистерия, разыгрывающаяся между Богом и избранным Им Народом. Причём Солодкин подчёркивает именно мистический смысл описываемых событий, всё

то, что не укладывается в рамки естественного, а прямо связано с существованием наделённого разумом и чувствами Творца, активно вмешивающегося в жизнь своего творения. Следует отметить, что в «Моисее» природа сотворена и косна: она составляет мир, скованный незыблемыми законами. Мистерия же как раз взламывает их незыблемость, и Бог заявляет о Себе вереницей чудес, благословений, казней, милостей и гнева, которые обрушиваются и на Моисея, и на Фараона, и на Народ, и на Египет.

Разумеется, такое изложение не противоречит Библии, однако усиливает одни акценты, смягчает другие и в итоге приводит к очередному неожиданному выводу-толкованию. Оказывается, не только и не столько возвращение Евреев из Египта в Канаан является Исходом, сколько сама жизнь Моисея — причём *вся* его жизнь — есть Исход. И это — Великий Исход, поскольку в нём Человек уходит из рабства у Закона (а не всего только из Египта) и приходит под сень Благодати (а не в другую землю, пусть даже и обетованную). И этот путь длиною в жизнь невероятно труден и противоречив. Ведь не только Моисей, но и весь Народ научается — *вынужден* научиться — жить не по законам природы видимого мира, но в соответствии с меняющейся, многообразной, *личной* волей Творца. Человек мира — царь царей, фараон, до такой степени приверженный законам видимости, повседневной реальности, что никакие, самые страшные чудеса не останавливают его на пути к собственной гибели. Но и Народ, множество людей в Народе — тоже рабы реальности. И Моисей прикладывает невероятные усилия, чтобы оторвать их от неё,

чтобы сделать их способными жить не *мирской* жизнью, но жизнью в Боге, суметь понять и принять многоликость Истины. Мало того, он и сам учится этому, но уже словно бы на другой ступени: он не только следует воле Бога, но и спорит с ней, и восстаёт на неё — и *меняет* её.

Именно здесь, вероятно, Солодкин подходит к величайшей загадке бытия, показывая и подчёркивая столь необычайные возможности этого странного существа — человека. И это главный вывод и урок этой части его книги, финал которой он всё же оставляет открытым. Что дальше? Куда двинется человечество, к чему приведёт его история? И во Вступлении к «Моисею», и в Эпиллоге этот вопрос оставлен без ответа. Семья, в которой отец рассказывает историю исхода четырём сыновьям, слишком многолика, как и Истина, чтобы заранее знать, как сложится её судьба. Но сложится она *не помимо* воли Бога и Человека, а потому, сколь бы загадочным и страшным ни представлялся перед нами мир, мы всегда должны знать о собственной избранности и силе и никогда не имеем права пускать на самотёк даже то, что, как кажется на первый взгляд, совсем не в нашей власти.

На этом заканчивается изложение Пятикнижия, и Солодкин переходит к следующим частям Библии: книге Иисуса Навина, книгам Судей и Царств, доводя повествование до времён создания Первого Храма. Это особенно «сложные» для толкования (если считать, что есть «простые») книги Библии. Завоевание иудейским народом Земли Обетованной оказывается сопряжено с такой безмерной жестокостью как людей, так и — главное — Бога к другим народам, эту

землю прежде населявшим, что человек, облечённый современной моралью, не может попросту смириться с происшедшим. Не может и автор «Библейских поэм». Он излагает события в том виде, как они запечатлены в Библии, лишь слегка оживляя их диалогами и чуть-чуть снижая уровень алогичности библейского повествования. Но тотчас задаётся вопросом: откуда такая жестокость? И как толковать эту грань Божественного начала? Он делает несколько попыток: «Видимо, имеет Бог / Очень много граней»; «Или ты или тебя — / Некуда деваться». Наконец: «История свой путь по бездорожью / Торит, одолевая бурелом. / Замешаны в ней круто правда с ложью, / Вражда с любовью и добро со злом. / И в этом нет ни Божьего коварства, / Ни нашей человеческой вины...» Да, но что же тогда остаётся? Принимать как данность всё происшедшее множество веков назад, извиняя это волей Бога — «Мы не вольны в судьбе своей. / Угодно, значит, так Хашему» — которая, кстати, с необычайной легкостью оборачивается и против богоизбранного народа? Книга Судей и особенно Книга Иисуса Навина показывают Бога яростного, далёкого от наших, человеческих, осторожных суждений, наших понятий о справедливости. Но тогда, — спрашивает автор, — если прошлое таково, то каково будущее? На что рассчитывать?

*Как понять, что вещают века мне
С этих ветхих библейских страниц?
Для чего донеслись эти вести
До меня через тысячи лет?*

*Заживём ли без крови и мести,
Или в Замысле этого нет?*

Вопрос кажется простым и естественным, но на деле это вопрос с, так сказать, двойным дном. С внешней стороны, речь идет о том, что прошлого отменить нельзя: «Над Временем не властен даже Бог...»; а будущее от прошлого в зависимости по закону причин и следствий. Но поставленный после изложения Книги Судей в качестве пролога к Книгам Царств, этот вопрос означает иное: это вопрос богопознания. Парадоксальность истины, иррациональность истории заставляют думать именно о Замысле, о воле Бога, а она — как это со всей очевидностью следует из этих страшных книг Библии, — была и останется всегда загадкой. И более чем вопрос никто себе позволить не может. Вот печальный итог, к которому приходит автор и который не считает возможным скрыть от читателя. А если учесть, что тысячелетиями складывались традиции именно утаивания этого итога — достаточно заглянуть в комментарии к Библии любых времён, — то тем выше цена истине, сколь бы плачевной она ни казалась.

Однако повествование продолжается — как продолжается и жизнь, независимо от горьких сентенций и выводов. И, странным образом, повествуемое начинает оправдываться этим продолжением. Это верно и для самой Библии, и для «Библейских поэм». Как будто ярый Господь Бог отразился в своём Народе, а Народ в Нём, и эта взаимосвязь (которая, кстати, как раз и называется религией) посте-

пенно возвысила и облагородила обе стороны — или, вернее всего, Бог обратился к Народу иной Своей гранью. Именно этот процесс Ю. Солодкин так удачно описал в лирической интерлюдии «Господь живёт в любом из нас...»:

*От Бога наша плоть и кровь,
Мы ненависть, и мы любовь.
Природа мы и благодать.
Придумал же Господь создать
Нас по подобию своему...*

И так же, как прежде в Моисее, теперь происходит становление Человека в образе Давида: поэмы, посвященные ему, наполнены драматизмом именно человеческого духовного становления, которое происходит в недрах древней дикости и поборает её. Здесь следует отметить особо неожиданное поэтическое решение, найденное Солодкиным в связи с необходимостью передать песни Давидовы, входящие в состав Книг Царств. Они перелажались на русский язык множество раз, как и вся Псалтирь, но переводов с оригинала было немного — ввиду наличия канонического. Солодкин сделал собственные переводы, придающие в его изображении, помимо прочего, особую достоверность библейскому персонажу.

Книга завершается молитвой царя Соломона о Храме. В отличие от песней царя Давида, она является авторской импровизацией,

но выполненной так, чтобы попасть в тон этим песням и явиться своеобразным финалом и итогом их. Это уже иной, торжественный, а не скорбный итог, к которому автор приходит сам и приводит читателей. Таков финальный парадокс «Библейских поэм», показавших в конце концов, как даже зло, сделанное по воле Бога, не остаётся злом и не превращается в «антизло», а становится Добром и приводит своих делателей к чистоте и святости. Неисповедимы пути Господни, но когда они открываются людям, постижение и изображение их во всей их многогранности в равной мере и необходимо и достойно руки мастера.

*Р*одился я за год до войны в г. Новосибирске. Нас жило несколько семей в небольшом коммунальном доме с удобствами во дворе. Детская память сохранила картину: «Мы в пимах на босу ногу / Из натопленных квартир / Мчим к белёному чертогу / Под названием сортир».

Все отцы из нашего дома ушли на фронт, и только один наш вернулся с войны инвалидом. Два младших отцовских брата погибли в боях с фашистами.

Мои детство и юность прошли на новосибирских улицах Коммунистической, Советской, Урицкого, Свердлова, и эти названия красноречивее, чем всё другое, говорят о годах, которые принято называть лучшими.

Моя карьерная линия была плавно возрастающей, без крутых подъёмов и падений. После школы институт, потом аспирантура, кандидатская, затем докторская степень, профессорское звание. Основная часть жизни прошла в новосибирском Академгородке. Я с удовольствием занимался научной работой и читал лекции студентам.

На 57-м году жизни эмигрировал в США. Будучи специалистом по измерительным системам, 20 лет проработал в метрологической лаборатории. Это была чисто производственная работа, и я впервые в жизни ощутил, что, захлопнув дверь в конце рабочего дня, можно до начала следующего о работе не думать.

Как тут не вспомнить о любви к стихотворчеству! Так появились книги стихов — солидный том «Библейских поэм», сборник «Если вкратце...», детские книжки «Надо знать эту знать», «Собаки», «В гостях у радуги».

Радость творчества ощутил в полной мере. Однако самой большой своей удачей считаю свою семью — любимую жену Галю, дочь Аню, сыновей Сеню и Мишу и девятерых внуков и внучек, да простится мне перечисление их имён.

Юрий Солодкин, сентябрь 2016 г.

Я благодарен многим людям. Одним — за дружеские обсуждения и советы, другим — за подчас жёсткую критику, третьим — за материальное участие в издании моих книжек. Всем — с одинаковой степенью благодарности. Выше этой степени только благодарность моей жене Гале и младшему брату Алику.

Галя всегда первый читатель и критик моих стихов. Много строчек не увидело свет после того, как она их прочитала или прослушала. Сама она стихов никогда не писала, но как не упомянуть о том, что она дала жизнь нашей замечательной дочери и не менее замечательным двойняшкам-сыновьям. В этой книге есть строчки:

*Стала ты неотъемлемой частью
Моего неделимого Я.
Ты моё приглашение к счастью.
Это больше, чем просто семья.*

Мой единственный и неповторимый брат Алик является страстным поклонником моих стихов. В отличие от меня он помнит их все наизусть и декламирует везде, где может. Его определяющая заслуга в том, что появились мои первые книги стихов. К 60-летию брата была издана книга стихов, названная «Счастье формулой не выража-

ется, / Если делишь, оно умножается». Основная часть этой книги — стихи, посвящённые родным, друзьям, коллегам.

*...И пусть простят мне близкие друзья,
Их верной дружбой жизнь моя богата,
Но быть счастливым не сумел бы я,
Когда бы не имел родного брата.*

Особо хочу отметить двух своих друзей, которых подарила мне эмиграция. Это Борис Бейнфест и Влад Прудовский. Их безукоризненное чувство поэзии и редакторская вьедливость оказали мне неоценимую помощь.

Борис Бейнфест, помимо стихов, эссе, путевых заметок, является автором блистательных афоризмов «Брызги шампанского». На них я откликнулся строчками:

*Происхожденья я не панского,
Мне б лучше водки, чем шампанского.
Шампанское годится вместо,
Но только в «брызгах» от Бейнфеста.*

Полтора десятка наиболее понравившихся мне прозаических «брызг» Бориса я с его одобрения превратил в стихотворные афоризмы.

О Владе Прудовском с огромной горечью я вынужден писать в прошедшем времени, поскольку его уже нет с нами. Влад был

блестящим пародистом. Его венок пародийных сонетов, заполнивший почти целиком всю 16-ю страницу «Литературной газеты», что само по себе является уникальным случаем, сразу выдвинул инженера из Запорожья в число ведущих пародистов тогда ещё Советского Союза. И на мои стихи он сделал несколько пародий, одну из которых хочу привести:

Занимательное языковедение

*Неужто мир настолько плох,
Иль мы хозяйничаем плохо,
Но прёт везде чертополох,
И не видать богополоха.*

*Язык — любимый мой приятель
На протяжении многих лет.
В нём слово есть «доброжелатель»,
А «зложелатель» слова нет.*

Юрий Солодкин

Язык — любимый мой приятель,
И в нём чудес не перечесть.
Вот слова нет «добропыхатель»,
А «злопыхатель» слово есть.
Сижусь в расстройстве беспредельном,
Дивлюсь словесной чехарде.
Ведь существует богадельня,
А чёртадельни нет нигде.
Язык живёт во мне подспудно,
Надспудно — это чистый бред.
Любовь бывает обоюдна,
Любви же одноюдной нет.
Вперил в написанное очи,
И закружилась голова.
Из пальца высосешь, что хочешь,
Всосать же в палец — чёрта с два!

Влад Прудовский

Блестяще, не правда ли?
А это четыре строчки из стиха памяти Влада:

*Вот и расстались с тобою мы, Влад.
Вдаль ты умчался из нашего круга.*

Юрий Солодкин

*Всё без тебя и не в склад и не в лад,
Всё без тебя, как без близкого друга.*

Не могу не выразить благодарность известному новосибирскому журналисту Александру Метелице, который написал доброжелательное предисловие к моей первой книжке, а также писателю, литературному критику Олегу Постнову за большую рецензию на мои книги «Библейские поэмы» и «Если вкратце...», из которой я узнал про себя много интересного.

Большое спасибо Ирине Кузнецовой, нарисовавшей заставки ко всем главам этой книги.

В заключение хочу поблагодарить Владимира Зайцева, дизайнера и издателя, с которым мы успешно сотрудничаем много лет и который делает мои книги красивыми и привлекательными.

Юрий Солодкин, сентябрь 2016 г.

Содержание

Предисловие автора

3

*Парадоксов тьма вокруг.
Ты им друг или не друг?*

6

*Не случайно, не просто так
Получается слов игра...*

20

*Религий прокрустово ложе
Тебя не вмещает, о Боже!*

34

*Язык мой — враг мой, нет вопроса,
Но всё же больше бед от носа*

72

*Речь российская без мата,
Как духи без аромата*

98

*Как мы хитрим, как мы финтим,
А на уме один интим*

112

*Ни строчки написать бы я не смог,
Не говори со мной по-русски Бог*

140

Если вкратце...

184

Александр Метелица
Две, но пламенные страсти
(из предисловия к первой книге)

249

Олег Постнов
Загадки многоликой истины
(послесловие к «Библейским поэмам»)

252

Несколько слов о себе

266

Авторские благодарности

268

ISBN 978-5-9907115-8-7
УДК 84(20Рос-Рус)6-5
С 60

Юрий Солодкин. Если вкратце...
Новосибирский издательский
дом, 2017. — 276 с.

© Солодкин Ю. Н., 2017
© ООО «Новосибирский
издательский дом», 2017

Юрий Солодкин
Если вкратце...

Иллюстрации
Ирина Кузнецова

Художественный редактор
Владимир Зайцев

Корректор
Таисия Романосова

Вёрстка
Любовь Дерр

НОВОСИБИРСКИЙ
издательский дом

Подписано в печать 23.01.2017. Формат 70x100/24. Гарнитура «Lazurski».
Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная. Заказ 01/17. Тираж 1000 экз.
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104. Тел.: (383)2992980.

E-mail: knigosibirsk@yandex.ru. <http://книгосибирск.рф/>